

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ

МАГЕЛЛАН

ЧАСТЬ III ГАТТАК

Евгений Ильичев

Магеллан. Часть 3. «Гаттак»

«Автор»

2023

Ильичев Е. Ю.

Магеллан. Часть 3. «Гаттак» / Е. Ю. Ильичев — «Автор», 2023

В мире высшего корелла Гаттака нет места сомнениям. Он рожден, чтобы служить ему - Великому богу Бору. Справедливый и суровый бог подарил планете всё - мир, цивилизацию, науку, медицину, технологии... Взамен самопровозглашенный бог требует лишь одного - беспрекословного подчинения и безоговорочной веры в себя. Но этот мир в опасности - на пороге война. Подлые демоны не желали уйти из Солнечной системы и теперь возвращаются. Враг коварен, враг силен, и возвращается этот враг, чтобы сеять на планете страх и смерть. И нет большей чести, чем послужить Великому Бору, защищая Родину. В душе Гаттака нет сомнений. Он - орудие Бора. Остается только самому поверить во все это и не свернуть с праведного пути.

© Ильичев Е. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Гаттак	5
Глава 2. «Магеллан»	12
Глава 3. Разведка	18
Глава 4. Послание	23
Глава 5. Глас Божий	31
Глава 6. Хочешь мира – готовься к войне	39
Глава 7. Задание	44
Глава 8. Ложный служитель	50
Глава 9. Фаэтгон	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгений Ильичев

Магеллан. Часть 3. "Гаттак"

Глава 1. Гаттак

Гаттак проснулся раньше, чем обычно – за окном только забрезжил рассвет. Спать уже не хотелось, но молодой человек не спешил покидать свою постель. До пробудки оставалось чуть больше часа – это время было единственным, когда кандидаты могли принадлежать самим себе. Все остальное время принадлежало Родине и Ему – богу, дарующему жизнь, богу, дарующему знание, – Великому Бору.

Гаттак закрыл глаза и прислушался к себе. Тело еще позволяло провести эти свободные минуты в созерцании своего внутреннего я: мочевого пузыря еще не был переполнен, желудок еще не требовал пищи, а разум не жаждал молитвы – разум требовал внимания к самому себе. Гаттак знал, что все его помыслы видны Бору, что Бор в любой момент мог выудить из его сознания все потаенные мысли, все желания, все страхи, а потому устыдился своей слабости. Допускать мысль о том, что утренняя молитва может и подождать в угоду низменному желанию побыть наедине с собой, не хотелось. И он подавил в себе это желание. Кто такой он, Гаттак, в сравнении с Бором? Лишь незаметная песчинка в пустыне бытия, созданного Бором из хаоса.

Кандидат Гаттак сделал два глубоких вдоха и резко поднялся с постели. Прежде водных процедур, прежде посещения санузла, прежде всех мыслей о себе и своем предназначении он упал на колени перед небольшой иконой с изображением бога Бора, стоящей на маленькой тумбочке в углу комнаты, и приступил к утренней молитве.

«Бог мой, Великий и всемогущий Бор! – чуть слышно прошептали губы Гаттака. – Да пребудет мудрость Твоя и замысел Твой превыше всего! Да узрит мой скудный ум величие Твое! Да направит меня воля Твоя! Да пребудет со мной сила разума Твоего! Не оставь меня в сей день, как не оставляет меня помысел мой о служении Тебе во имя великой цели! Да хранит наука Твоя детей Твоих – как вышних, так и низших».

Гаттак еще с минуту пребывал в смиренном созерцании эффекта от произнесенных слов. На протяжении всей молитвы он ощущал, как его легкие наполняются кислородом, мышцы наливаются силой, пробуждаются все его органы и системы. В кровь ударили гормоны, его голова просветлела, наступила легкая эйфория. Наконец, из головы выветрился последний морок сна, и слабое тело обрело привычную силу.

Гаттака давно занимал интересный факт: эффект от молитвы Бору был ощутим, только если молитва произносилась в каком-либо помещении или в церкви. Молодому человеку не раз приходилось прибегать к молитве в Пустоши или на полевых учениях, но там физического присутствия Бора он не ощущал.

Молодой кандидат поднялся с колен и направился в санузел. Очистив свое лицо и насытив тело водой, он приступил к зарядке. Двести отжиманий от пола вызвали лишь легкую одышку. Сто скручиваний на пресс, еще столько же подъемов ног позволили выступить испарине на лбу. Сотня приседаний и растяжка окончательно зарядили тело Гаттака энергией на весь день.

Дыхание Гаттак восстанавливал около минуты – непозволительно долго. Все это время он провел в благодарственной молитве Бору. Слова этой молитвы не были постоянны и могли иметь произвольную форму – в этой молитве важна была суть. Великий Бор позволяет миру существовать и развиваться, а вместе с миром может существовать и развиваться он, Гаттак. Стало быть, за эти дары нужно непрестанно благодарить своего бога.

А благодарить было за что. На планете почти не было болезней, не было голода, не было безработицы. Все жители высшего мира были при деле, которое было predetermined им еще сзымальства самим Бором. Даже обитатели низшего мира должны были благодарить Великого Бора за его щедрость и великодушие: несмотря на всю их ущербность, низшие тоже имели кров, пищу и работу.

Сегодня Гаттак благодарил Бора за образование и ясное предназначение. Отдельную благодарность он выразил за возможность послужить своему богу и своей Родине в самой ближайшей перспективе: именно сегодня кандидат Гаттак, даст Бор, пройдет последнее испытание и станет пилотом Гаттаком. А если великодушие и щедрость Бора позволят, то Гаттака сегодня зачислят в первый отряд миссии «Луна-2».

За благодарственной молитвой его застал дежурный офицер.

– Уже встал, кандидат? Отлично! – похвалил парня суховатый мужчина с погонями майора, заглянув в комнату. – Сегодня большой день для тебя. Давай-ка в душ и марш на завтрак!

– Есть! – ответил Гаттак, поднимаясь с колен.

В столовую он прибыл одним из первых. Принял на раздаче поднос с завтраком и занял свое место. К еде не полагалось приступать раньше остальных, а потому в ожидании других членов отряда и совместной благодарственной молитвы парень просто созерцал пейзаж за окном. Утро выдалось морозным, но небо над Пустошью было ясным. Мимо по плацу сновали офицеры части, от КПП спешили на службу гражданские служащие из ближайшего поселка, маршировали строем солдаты – их столовая была в другом здании. За периметром базы высилась стена исполинских сосен, занесенных снегом. Гаттак знал, что лес за периметром простирался на многие сотни километров и единственными голыми участками на его бескрайних просторах были космодром на востоке и аэродром на западе. Чуть севернее войсковой части располагалась тренировочная база кандидатов в пилоты – именно туда он отправится после завтрака, именно там будет проводиться сегодняшней экзамен.

Боялся ли Гаттак грядущего испытания? Скорее нет. Его разум был слишком чист для того чтобы испытывать страх перед трудностями. Он понимал, что Великий Бор не позволил бы ему пройти строгий отбор и пережить все круги подготовки кандидатов в пилоты, не соответствуй он этому гордому статусу. Та честь, которая была оказана ему и еще семнадцати членам отряда кандидатов, не позволяла зародиться страху. Бор никогда не ошибается с выбором. Бор всегда знает, кто будет выполнять его волю и как. Гаттак не сомневался, что с честью пройдет все испытания. Его терзали иные сомнения, о которых он приказал себе не думать.

Думать в стенах части, равно как и в любом городе на планете, можно было лишь в угоду Бору. Любая крамольная мысль, любое сомнение в могуществе и непогрешимости бога могли стать водоразделом в жизни высшего. Высшие, усомнившиеся в своем предназначении, а стало быть, и в решении Бора, оказывались вне закона. Они лишались всего – статуса, званий, регалий, работы, смысла жизни и, в конце концов, могли лишиться и самой жизни. Бор непогрешим! Бор не ошибается! Бор везде! Везде, кроме Пустоши. Лишь там (и Гаттак знал это) молитвы не достигали Бора. Лишь там Бор был слеп и глух к мольбам и не мог отвечать на них. Лишь там любой человек, будь он высшим или низшим, мог быть собой, мог почувствовать свою уязвимость. Безграничная власть Бора была действительно безграничной лишь там, где была цивилизация – в городах, на военных базах, на кораблях и в самолетах, в космосе.

Как ни странно, но Гаттак, в отличие от большинства своих сослуживцев, любил бывать в Пустоши. Любые занятия вдали от баз и компьютеров давались ему легко. Только в Пустоши Гаттак чувствовал себя собой. Не ощущая присутствия Бора в Пустоши, он мог позволить своим мыслям улетать далеко за пределы обозначенных богом рамок. В Пустоши он мог быть свободным. В Пустоши только он решал, жить ему или сгинуть в неизвестности. В Пустоши выбор всегда был за Гаттаком. Тем и была для него привлекательна Пустошь. Тем она была и опасна.

Столовая постепенно заполнялась людьми. К семи утра все были на месте и получили свои пайки. Дежурный офицер встал из-за стола, остальные склонили головы. Офицер произнес слова короткой трапезной молитвы, прикрыв двумя ладонями свои глаза, – жест, символизирующий жертву Бора за все человечество. Много лет назад Бор был обезглавлен демонами, пострадал за свои идеи, но остался жив. И, выжив, Бор не озлобился на людей. Он возлюбил их еще сильнее, ибо понимал, как слабы они в своем неверии, понимал, как сильно они нуждаются в его, Бора, длани. И Бор великодушно протянул свою руку людям.

Каждый из присутствующих, включая Гаттака, чуть слышно, прикрыв глаза ладонями, повторял слова молитвы за офицером. Наконец можно было приступать к приему пищи. Все ели размеренно, не спеша. В обществе высших продуктам питания, процессу приготовления пищи и самому ее приему уделялось большое внимание. Бор учил не спешить, получать максимум от того, что он создал. Бор учил умеренности в еде, Бор заповедовал соблюдать посты, Бор заботился о своих детях. И врачи, получившие свои знания от самого Бора, были с ним всецело согласны.

В первые годы обретения людьми бога мудрость Бора не была абсолют, поскольку сам Бор поощрял своих детей сомневаться в правдивости своих догматов и позволял проверять их. Получив от Бора знание, люди получили и право применять это знание по своему усмотрению. За всю новейшую историю не нашлось ни одного ученого – врача, физика, химика, математика, биолога – кто смог бы опровергнуть какой-либо постулат, высказанный Бором. Бор открывал людям тайны мироздания по мере их приближения к ним. Бор позволял своим детям сомневаться и каждый раз доказывал свою правоту. Этот бесконечный процесс обучения длился годами, десятилетиями и, в конце концов, люди привыкли к мысли о бесконечной мудрости своего бога. Как только была принята эта аксиома, прогресс на планете ускорился. Ученые теперь могли не тратить свое время попусту на проверку и перепроверку фактов, о которых говорил им Бор. Они принимали все его идеи на веру и развивали науку в десятки раз быстрее, нежели могли позволить себе их предшественники.

Да, всем было известно, что до текущей цивилизации высших были и иные людские цивилизации: тому было бесчисленное множество доказательств в Пустоши. Многочисленные мегалитические постройки, разрушенные временем, в самой Пустоши и в мировом океане. Древние артефакты в виде инструментов и техники прошлого, летательные аппараты, суда, танкеры, железные и вакуумные дороги, простирающиеся под великой Пустошью на многие тысячи километров. Сотни заброшенных подземных баз, набитых древним огнестрельным оружием и техникой, работающей от двигателей внутреннего сгорания... Бору не было никакого смысла скрывать все это. Не скрывался и тот факт, что древние цивилизации в своем развитии тоже достигали небывалых высот. Разница между ними и текущей цивилизацией была лишь в том, что для достижения своего технологического пика они тратили десятки тысяч лет эволюции. У них не было такого всемогущего покровителя. Их боги были слепы, глухи и слабы. Тайны вселенной люди прошлого постигали только своим умом. Бор – единственный бог во всей вселенной, позволивший своим детям развиваться столь быстро. Бор был богом, который не стал скрывать знание, – и именно за это его так любили. Взамен же он требовал почтения к себе. За это его почитали, за это его боялись. Но более всего люди на Земле боялись не гнева своего бога. Бор открывал им такие тайны прошлого, до которых своим умом едва ли кто смог бы дойти. Более всего они боялись его утратить.

Великодушие Бора распространялось не только на его детей – высших людей. Бор в человеколюбии своим позволил жить и размножаться на планете и низшим людям – представителям предыдущей цивилизации. Он оставил им жизнь, зная, что те пытались в свое время поработить его детей. Бор освободил свой народ, но заклеивших его детей варваров карать не стал. И в этом великодушии крылась не только любовь Бора ко всему живому на Земле, но и назидательная составляющая: любой высший, обладавший прямой связью с Бором, видел, как

быстро развивается их общество – общество высших. Низшие же, пребывая в своей темноте и зашоренности, развивались несравнимо медленнее.

Гаттаку не было их жаль. В свое время Бор предлагал остаткам цивилизации присоединиться к нему, предлагал их правителям строить новый мир вместе. Предлагал им себя в качестве единого бога, мерила правды и справедливости, источника бесконечной мудрости. Они выбрали иных богов – богов жестоких и несправедливых. Они выбрали нищету и голод. Но даже тут Бор не оставил их. В конце концов, когда их цивилизация могла просто кануть в Лету, он вновь протянул им свою руку – и в этот раз они приняли помощь. Правда, на сей раз условия этой помощи были уже иными. Высшие под руководством Бора ушли в своем развитии так далеко вперед, что бог уже не мог объединить эти два мира. Не желали этого и его дети. Бор предложил низшим свою помощь в обмен на вечное служение его детям, и низшим ничего не оставалось, кроме как принять это предложение. Отныне высшие были правителями, а низшие – их рабами. Это позволило высшим сосредоточиться на знаниях, дарованных Бором. Они развивали свое общество, науку и технологии, низшие же стали для них источником рабской силы. Судьба не лишена иронии: история двух народов совершила виток и повторилась с точностью до наоборот. Отныне низшие трудились в шахтах, добывая для общества высших полезные ископаемые, их труд использовался в земледелии и скотоводстве. Они трудились на всех грязных и опасных производствах, поскольку ни на что более пригодны не были. За это Бор позволял пользоваться некоторыми благами созданного им мира. По сравнению с высшими, низшим людям доставались лишь крошки со стола. Но даже этих крох хватило для того, чтобы остановить их вымирание. Они получили примитивную медицину, социальный строй, основанный на труде, еду и все необходимые орудия труда. У низших было право на самоорганизацию. Бор почти не вмешивался в их жизнь – во всяком случае, до тех пор, пока его дети получали от них все необходимое. Конечно, бывали и вспышки непослушания низших, которые в скудоумии своем не оставляли надежд на обретение независимости. Такие бунты жестоко подавлялись. Нет, это нельзя было назвать войнами – разница в техническом оснащении армий высших и низших была настолько огромной, что подобные операции больше походили на зачистку. Непокорные курени зачищались под ноль, а затем их место занимали более лояльные Бору низшие. Это была своего рода селекция, позволяющая год от года подчищать прогнившее общество низших от скверны неверия и создавать более лояльное общество рабов. Каждое новое поколение низших становилось более покладистым, чем предыдущее, и, в конечном итоге, крупные кровопролития прекратились вовсе.

После завтрака отряд кандидатов направился на политподготовку – обязательное часовое занятие, проводившееся ежедневно. Эти занятия служили укреплению связи Бора со своими детьми. На них прославлялся его гений, подводились итоги тех или иных общественно значимых проектов, обсуждались политическая обстановка в мире и новые достижения в науке и технике. Основной же причиной проведения таких занятий было информирование высших о текущей ситуации с вторжением демонов прошлого.

Гаттак и еще семнадцать кандидатов заняли свои места в классе. Вошел офицер-воспитатель и, коротко поприветствовав кандидатов, включил проектор. Свет в классе погас, и перед слушателями появилась заставка их военно-космической академии. Прозвучали фанфары, затем перед глазами курсантов начал мелькать новостной видеоряд. Диктор за кадром прекрасно поставленным голосом вещал о последних достижениях науки и техники. Гаттак узнал, что для космонавтов был изобретен новый скафандр, позволявший находиться в открытом космосе целые сутки. Запас хода его реактивного ранца составлял десять часов на максимальной тяге.

«Слава Бору!»

– Слава Бору! – подхватила аудитория, вторя диктору.

Затем кандидаты узнали о новых сублимированных продуктах, которые могли не портиться годами – ими теперь будут комплектоваться все индивидуальные пайки космонавтов, пилотов и космодесантников.

«Слава Бору!»

– Слава Бору! – повторили кандидаты хором.

После короткой новости о возведении очередной секции космического лифта, готовность которого уже превышала семьдесят пять процентов, слушателям были представлены сухие цифры прироста добычи полезных ископаемых на Земле. Нефть, газ, медь, никель, марганец, уран, золото, с десятков редкоземельных металлов – по всем показателям добывающая промышленность была в плюсе в сравнении с прошлым месяцем. Численность населения Родины на текущий момент составляла четыре целых две десятых миллиарда человек. Треть из них были высшими, остальные – низшими. Это соотношение численности не менялось уже более трех десятков лет и было признано Советом обороны Земли оптимальным для достижения поставленных целей.

Совет обороны земли, или СОЗ, был, по сути, единственным надгосударственным органом, напрямую подчиняющимся богу Бору. Этот орган был создан Бором тридцать лет назад, сразу после обнаружения за пределами Солнечной системы корабля захватчиков. Бор не стал скрывать от своих детей тот факт, что знал о существовании угрозы задолго до первого полета человека в космос и развертывания на ее орбите сверхмощного телескопа. Дабы избежать паники среди мирного населения, эта информация была скрыта от общественности. На тот момент вражеский корабль улетал из Солнечной системы и не представлял угрозы для Родины, но через пятьдесят лет со дня бегства демонов стало ясно, что они совершили гравитационный маневр вокруг червоточины, расположенной далеко за пределами пояса Койпера, и с тех пор держали курс на Землю. Бор знал все тайны и секреты демонов, а потому не считал зазорным пользоваться их терминологией и обучать ей своих детей. «Врага нужно бить его же оружием!» – учил он.

Совету обороны Земли напрямую подчинялись администрации всех городов и поселений планеты. Единственными, кто мог напрямую общаться с Бором, помимо членов СОЗ, были верховный жрец планеты и пять его клириков, представлявших интересы церкви Бора на всех обитаемых континентах. В отдельных ситуациях Бор снисходил до общения с простыми смертными, но то были уникальные, буквально единичные случаи. Гаттак мог по пальцам одной руки пересчитать известные ему примеры прямого общения Бора с простыми людьми. Для подобной чести нужно было быть либо святым, либо предателем высшего света. Предателем такого порядка, чтобы Бору стало интересно самому допросить провинившегося.

«Корабль захватчиков приближается к орбите Юпитера, – звучала грозная сводка из динамиков, – и уже приступил к гравитационному маневру. Зафиксированы вспышки двигателей торможения. При тех же темпах и сохранении заданной траектории захватчики окажутся близ орбиты Марса уже через пять лет». Финальные фанфары возвестили о завершении политической подготовки, и все кандидаты были приглашены на ежедневную утреннюю тренировку.

Предстоящий экзамен не был поводом для отмены ОФП. Более того, сегодня кандидатам предстоял кросс в пятнадцать километров при полной выкладке. Дистанцию намеренно увеличили на пять километров, поскольку считалось, что экзамены нужно сдавать в более стрессовой ситуации, нежели обычно. Таким способом отсеивались кандидаты в пилоты, не способные ясно мыслить при повышенных физических нагрузках и запредельном стрессе.

Гаттак преодолел дистанцию одним из первых. Бежали по знакомой трассе вокруг части, рядом было множество построек и мачт связи, а потому освободить свой разум от тяжелого бремени контроля Гаттак не мог. Собственно, в данный момент ему это и не требовалось: перед экзаменом лишние мысли в голове были ни к чему. Последние два километра по снежной целине дались Гаттаку нелегко, но, глядя на отстающих, он понял, что может позволить себе

слабину и не тратить остаток сил на установку нового рекорда части. Предыдущий рекорд и так принадлежал ему, и все, что сегодня требовалось от Гаттака, это завершить дистанцию с минимальными энергозатратами.

После кросса их ждала десятиминутная передышка – ровно столько времени требовалось на то, чтобы принять ледяной душ и переодеться в сухое. С кроссом справились все, и уже к полудню семнадцать кандидатов в пилоты стояли в строю на крытом полигоне.

Начался экзамен. В последующие два часа им предстояло преодолеть на время стандартную полосу препятствий с пятью контрольными точками – на каждой из них кандидатов ожидал огневой рубеж, после чего предстоял пятиминутный спарринг с инструктором в полный контакт. Сразу после боя кандидату необходимо было решить одну из математических задач кандидатского минимума. Задачи были разнообразными и касались всех аспектов будущей работы пилота-истребителя. Там были как дифференциальные уравнения, так и задачи по навигации в атмосфере и космосе. Были среди вопросов и такие, которых боялись все, – этот род вопросов был направлен на выявление среди новобранцев эмоционально незрелых кандидатов, неготовых стать лицом цивилизации и представителем самого Бора в космосе. В зачет шли только верные решения, полученные в отведенный срок – не более пяти минут на одну задачу. Кандидатский минимум подразумевал и задачи по программированию, но этот экзамен проводился днем ранее, и Гаттак с ним успешно справился.

К пятой контрольной точке Гаттак подходил на пределе своих возможностей. На этом этапе он умудрился допустить два досадных промаха из плазменной винтовки по ростовой мишени, но критически на общий балл это обстоятельство не должно было повлиять. Последний спарринг Гаттак проводил лишь на кулаках – сил на изнуряющую борьбу в партере или махание ногами уже не оставалось. Доставшийся ему инструктор, по всей видимости, знал, в каком состоянии будут подходить к последней контрольной точке кандидаты, и пользовался своим преимуществом в силе и свежести в полной мере. Задачей Гаттака в этом спарринге было не победить своего оппонента, а просто уцелеть. После трех пропущенных прямых ударов мысли парня затуманились.

«Кто он?»

Разворот, уклон, атака.

«Зачем он здесь?»

Еще атака, уклон, пропущенный удар.

«Зачем он все это терпит? Ради какой цели?»

Инструктор, по всей видимости, решил выбить из Гаттака весь дух и молотил своими стальными кулачищами, лишь номинально прикрытыми тонкой тканью перчаток, прицельно по голове. После очередного пропущенного хука справа Гаттак, что называется, поплыл. Его начало заносить, ноги подкашивались сами по себе. Но падать на экзамене даже в легкий нокдаун было нельзя – сразу снимался целый балл, а это почти провал.

«Почему именно я тебе нужен?» – рычал Гаттак про себя, стараясь ухватиться за канаты. Ответа не было. Конечно, откуда им прийти, ответам? Кто такой Гаттак, чтобы до него снизошел сам Бор? Бор уже доказал свою божественную суть, свою пользу людям, свою любовь к народу. А что мог противопоставить этому величайшему дару он? Что сделал для своего народа он, Гаттак, двадцатилетний высший? Ничего! Он был абсолютным нулем в сравнении с величием Бора, ему только предстояло доказать свою пригодность великому делу бога, а для того ему нужно было сейчас во что бы то ни стало устоять на ногах.

Очередной прямой удар в голову он успел заметить вовремя. В самый последний миг Гаттаку удалось отвести угрозу блоком, но на этом разозлившийся сам на себя кандидат не успокоился. Отводя удар в сторону, он воспользовался массивностью противника и обратил инерцию его удара против него самого. Простой захват кисти Гаттак выполнил легко, но после эту кисть он вывел в полет над своей головой по дуге и в самом конце ее выкрутил руку инструктору

таким образом, что тот громко вскрикнул. Гаттак не видел, как на крик обернулись все присутствующие. Не знал он, что теперь является объектом внимания и для самого Бора. Единственное, что он знал, это что ему нужно сделать простое движение кистью левой руки, а предплечьем правой ударить по руке оппонента снизу вверх. Послышался треск ломающихся костей. Еще один крик противника Гаттака заставил других инструкторов сделать шаг в сторону ринга, но присутствующий на экзамене начальник академии резко поднял руку вверх, останавливая их. Все замерли, глядя на то, как Гаттак уложил огромного, почти вдвое больше его самого мужчину на пол ринга и принялся выколачивать из него дух. Наконец прозвучал гонг, пятиминутка внезапно завершилась, так же внезапно испарилась и ярость Гаттака. Его кулак замер всего в сантиметре от окровавленного лица инструктора, который, похоже, уже ничего не сообщал.

– Кандидат Гаттак! – раздался механический и бесстрастный голос компьютера. – Седьмой терминал!

Гаттак встал и, пошатываясь, побрел к указанному пункту. Кровь мешала ему видеть, ее красную пелену парень смахнул перчаткой. Во рту он не досчитывался нескольких передних зубов, ноги скользили по матам, обильно окропленным его собственной кровью, мир вокруг кружился. Но останавливаться Гаттаку было нельзя – у него было всего пять минут на решение задач на компьютере.

«Расчет траектории гравитационного маневра для тела массой в сто сорок тонн», – гласило название задачи, и Гаттак выдохнул. Он решал такие задачи на раз-два. Несмотря на подступающую тошноту и сплошную красную пелену перед глазами, кандидат справился с задачей всего за три минуты: таймер, ведущий обратный отсчет, замер на цифре 120. Замер, а затем, к огромному удивлению Гаттака, пошел вновь.

Что это? Неужели он ошибся в расчетах? Неужто этот мордovorot-инструктор повредил ему голову настолько, что Гаттак совершил просчет? Цифры неумолимо таяли, а Гаттак все стоял перед экраном терминала, не способный осознать, в чем была его оплошность. Наконец условие задачи, равно как и ее решение, пропали с экрана, и вместо них на мониторе высветился еще один билет.

«Что? – удивился про себя Гаттак. – Они поменяли условия экзамена? Разве я уже не сдал его? Разве я не победил?»

«Кто ты и каково твое предназначение, сын мой?»

Надпись на мониторе ввела парня в ступор. Все вокруг видели эту надпись, за спиной Гаттака слышался благоговейный шепот. Даже сам начальник академии не смог скрыть своего изумления: никогда еще сам Бор не вмешивался в процесс отбора кандидатов в пилоты.

В зале повисла гробовая тишина. Гаттак стоял перед терминалом и тупо глядел на тающие цифры обратного отсчета – таймер не обнулится. На обдумывание таких вопросов в норме давалось пять минут, но сейчас Гаттаку предстояло ответить самому Бору всего за минуту. Почти всю эту минуту Гаттак тупо пялился в экран, не решаясь ответить так, как на самом деле думал. Наконец неверной рукой он вызвал на экран клавиатуру и, колебавшись мгновение, быстро ввел ответ:

«Я – Гаттак, сын твой. Мое предназначение – погибнуть за тебя».

Таймер остановился на последней секунде. Все замерли. Замер и Гаттак. Через миг на экране появилась надпись:

«Добро пожаловать во флот, пилот Гаттак».

Глава 2. «Магеллан»

– ЦУП, что с траекторией?

Голос капитана Верового раздался в каюте впервые за сорок пять лет. Приятный баритон бортового компьютера отозвался через секунду:

– Капитан, траектория проверена многократно и не менялась от самой червоточины.

– Выведи на экран.

– Капитан, вы не прошли процедуру идентификации. Я не могу выполнить вашу команду.

– Старпом проснулся?

– Капитан, вы не прошли процедуру идентификации. Я не могу разглашать подобные данные, ввиду...

– Ладно, ладно! – перебил компьютер капитан Веровой. – Не бубни только, голова раскалывается.

– Я лишь выполняю протоколы безопасности. Вам следует пройти процедуру регидратации.

Капитан понимал, что, скорее всего, ему показалось, но все же в голосе компьютера он расслышал нотки обиды. Естественно, показалось – машины не умеют обижаться. Не могут они чувствовать ни стыда, ни угрызений совести, ни бремени ответственности. Они выполняют заранее заложенный в них алгоритм действий. Алгоритм этот писался человеком и со временем усложнялся, только этим обуславливался эффект общения с реальным живым помощником. Ах, да, ну еще и чувством юмора, интонациями, подобранными синтезатором речи, и цветовой палитрой передачи данных. При каждом сообщении компьютер подавал на потолок подсветку: стандартное общение сопровождалось ровным белым светом, критические ошибки и экстренные извещения горели алым, а свои шутки компьютер выделял яркими оттенками синего и зеленого. Конечно, каждый член экипажа мог настроить чувство юмора ЦУПа индивидуально. По умолчанию игривое настроение компьютера не превышало пяти процентов, исходя из того, что за сто процентов бралась частота употребления шуток в речи какого-то знаменитого комедийного актера двадцать первого века.

Веровой с трудом поднялся из своего криомодуля. После пробуждения бег времени ненадолго переставал ощущаться. Организм мог прийти в себя быстро, а мог пробуждаться еще долгое время. Это можно было сравнить с тем, как люди просыпаются по будням и в выходные. В первом случае это мобилизация всех внутренних резервов и быстрый подъем, во втором человек еще часами может лавировать между сном и явью.

Болтался ли он какое-то время в полудреме или же проснулся сразу, капитан Владимир Викторович Веровой не знал, а посему напряг всю свою волю и встал. Пройдя в угол своей изолированной каюты, он зашел в портативный сканер-идентификатор, где ЦУП межзвездного крейсера «Магеллан» просканировал организм капитана. Убедившись в его целостности и биологической аутентичности, ЦУП вновь поздоровался:

– С возвращением, капитан. Идентификация пройдена. Биологическая аутентичность подтверждена. Инородных предметов в теле не обнаружено.

Последние два пункта заложили в алгоритмы перед крайней гибернацией. Как показало внутреннее расследование, диверсия, случившаяся на «Магеллане» много лет назад, могла быть организована лишь при наличии двух факторов: на борту должны были находиться люди со встроенными в мозг имплантами, а на Земле в это время должны были орудовать их помощники с ключами шифрования главного компьютера «Магеллана». Без второго условия нельзя было передать на «Магеллан» пакет данных, содержавших программного червя, а без людей с особыми способностями нельзя было этого червя активировать. К миссии были допущены два человека с улучшениями в головном мозге – это руководитель ОНР Орлов и начальник мед-

службы Мечников. Оба после тщательной проверки были вычеркнуты из списка подозреваемых. Оставалось одно – на борту находился еще некто с имплантами в голове, кто мог проверить такую диверсию. Проверить всех, не вызывая подозрений, было невозможно, оставалось уповать на хитрость. В системный код ЦУПа ввели новые параметры реанабиозации и предоставления прав доступа к главному компьютеру. Отныне каждый член экипажа после анабиоза должен был доказать свою полную аутентичность с человеческим родом.

– Теперь я снова капитан? – выползая из капсулы и наливая себе регидрационный раствор, спросил Веровой.

– Вы пытаетесь шутить – хороший признак правильного течения реанабиозации.

– Это была не шутка, а сарказм. Что со старпомом?

– Полковник Ким Сергеев сейчас на стадии детоксикации, капитан.

– Опять всю капсулу заблевал? – удивился Веровой.

– Все живые организмы тонко организованы, – вступился за старпома компьютер, – не каждый переносит гибернацию легко.

– Ладно, вызови его, как только пройдет идентификацию.

– Капитан, как быть с остальными членами экипажа?

– Для начала разбуди научного руководителя полета, начальника систем безопасности и главу ОНР (отряд немедленного реагирования).

– На их реанабиозацию потребуется время, – предупредил ЦУП.

– Ничего. Займись пока собственной диагностикой.

– Что мы ищем?

– Следы воздействия на тебя извне и изнутри.

– Мы проводили подобную диагностику в прошлый раз.

– Да, – согласился Веровой, – и не выявили среди разбуженного экипажа никого, кто мог бы внести поправки в твой системный код.

– Расследование показало...

– Я знаю, что показало расследование! – повысил голос Веровой, а затем уже спокойнее добавил. – Мы знаем, кто украл ключи шифрования и передал их на Землю. Знаем, что при их помощи с Земли был послан ложный зов о помощи. Но мы не знаем, кто истинный кукловод.

– Проверка произведена, капитан.

– Так быстро?

– Я самый совершенный компьютер в Солнечной системе, на решение подобных задач у меня уходят миллисекунды.

– Да, самооценка у тебя не страдает. А что ж не доложил сразу?

– В моих алгоритмах общения заложена функция имитации живой беседы. Мгновенное выполнение команды негативно воспринимается экипажем, ввиду ограниченности их когнитивных функций.

– Хочешь сказать, мы тупые?

– Хочу сказать, вы медленно считаете в уме. Изменить настройки имитации живого общения?

– Нет, пока все в норме. Дай мне пару часов. Ким все равно не придет в себя в ближайшее время.

– Слушаюсь, капитан.

ЦУП отключился. Вернее, он деликатно погасил подсветку на потолке, что означало логическое завершение диалога и тоже служило делу имитации живого общения. На самом деле ЦУП никуда не ушел, он был на корабле везде. Вызвать его при помощи голосовой команды мог любой член экипажа, и каждый мог воспользоваться информацией, хранившейся в его недрах, соразмерно своему приоритету безопасности, конечно.

Тем не менее капитану Воровому сейчас эта функция помогла. Несмотря на то, что последние сорок пять лет он провел в анабиозе, в данный момент ему было необходимо побыть одному. Для начала нужно было привести в порядок собственный организм, затем заняться мыслями. Никто из членов экипажа не должен был заметить его слабости. От его воли слишком многое зависело на корабле. А Мария, эта несносная девчонка...

Воровой помотал головой, чтобы избавиться от нахлынувших воспоминаний. После длительного пребывания в анабиозе память не сразу выдавала все свои козыри. Воровой только сейчас удивился тому, что спокойно общался с ЦУПом и даже осознавал, кто он такой.

Сейчас он вспомнил про дочь. Расследование после первого выхода из анабиоза на полете к червоточине показало, что в алгоритмы компьютерного кода ЦУПа вмешивалась именно она. Именно она передала коды доступа к ЦУПу на Землю. Тревогу на «Магеллане» и призыв всего экипажа лечь в криосон, вероятно, организовала тоже она. Воровой быстро сообразил, что никакой разгерметизации на крейсере нет, а значит, весь этот концерт с организацией экстренной гибернции всего экипажа мог быть попыткой захвата «Магеллана». Капитан в тот момент ничего не понимал. Единственное, чего требовал от него долг, – сохранить «Магеллан», его экипаж и пятнадцать тысяч душ колонистов. Воровой принял тогда единственное решение, которое должен был принять согласно протоколам безопасности: в любой непонятной ситуации он должен был увести крейсер с орбиты Земли. Потеря трех челноков и десанта была платой за то решение, но иначе Воровой поступить не мог. Все говорило о том, что управление «Магелланом» перехвачено, а протоколы безопасности переписаны. И не о безопасности «Магеллана» тогда думал Воровой – думал он тогда о безопасности всей планеты. Возможно, единственного дома во всей вселенной, куда можно было вернуться остаткам цивилизации.

Он помнил последнее предполетное совещание комитета экспансии в Академии Космического Флота Земли, память вернула ему и эту сцену. Вот он стоит в центре овального кабинета, вокруг чиновники и высокопоставленные военные всей объединенной Земли, каждый сидит за отдельным столом. Некоторые места пустуют – вместо реальных людей за их столами голограммы. Только что прошло голосование, на котором Ворового единогласным решением избрали капитаном «Магеллана».

– Запомните, капитан, – говорил президент объединенной Земли, – это закрытое совещание. Ничего из того, что будет сказано здесь, не будет предано огласке, и с протоколов этого заседания никогда не будет снят гриф секретности.

– Я осознаю это, – сказал только что назначенный капитаном Воровой.

– Отлично, – кивнул президент и передал слово председателю комитета.

– Капитан Воровой, – немного откашлявшись, начал председатель, – осознаете ли вы важность возложенной на вас миссии?

– Безусловно, господин председатель.

– В ваших руках мощь, способная создать новый мир. Осознаете ли вы это?

Воровой кивнул, четко и утвердительно ответил:

– Да.

– Осознаете ли вы, что эта же сила способна не только созидать, но и разрушать?

– Да, я осознаю это.

– Что вооружения на «Магеллане» хватит на то, чтобы уничтожить как Землю, так и Солнце?

– Да, я осознаю это.

Как ни странно, но именно в тот момент капитан Воровой не осознавал ничего. Нет, конечно, он учился в Академии Генерального Штаба планеты, руководил не одной космической миссией и зарекомендовал себя наилучшим образом. Но именно в тот момент он не осознавал того, о чем пеклись члены комитета.

– И вы понимаете, что в ваших руках будут находиться как жизни членов экипажа, так и жизнь всей планеты? – продолжал свой допрос председатель комитета.

На мгновение Веровой запнулся, но все же ответил утвердительно:

– Да, я осознаю это.

– Как вы считаете, не слишком ли большая ответственность ложится на плечи одного человека?

– Протоколы безопасности построены таким образом, господин председатель, что капитан не имеет всей полноты власти. Любое его решение должно быть дважды подтверждено кем-либо из совещательного органа миссии «Магеллан».

– Верно, капитан. Но протоколы писаны людьми и для людей. Программы, оберегающие нас от нас самих, тоже писались людьми. В жизни всегда есть место закону Мерфи: что может произойти, то произойдет.

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, господин председатель.

– Я имею в виду любую гипотетическую ситуацию, при которой все члены экипажа окажутся в анабиозе или будут мертвы.

Веровой чуть заметно вздрогнул, и члены комиссии заметили это. Председатель продолжил:

– Что будет для вас в приоритете, если подобное произойдет? В описанной мной гипотетической ситуации вы единолично будете обладать такой властью, которой не было ни у одного доселе жившего человека. В ваших руках может быть сосредоточена сила, равной которой нет во вселенной. Вы уподобитесь богу!

– Я не религиозен, господин председатель, – спокойно ответил Веровой. – В спорных и щекотливых ситуациях я всегда руководствовался уставом Объединенного Космического Флота Земли.

– Капитан Веровой, что гласит устав на такой случай?

– При любом выборе между жизнью корабля и жизнью планеты капитан должен выбрать родную планету – Землю.

– Вы процитировали устав неточно, – довольно сурово отметил председатель, и сердце капитана Верового сжалось. – Но мне нравится ваша интерпретация. Вы употребили слово «родную», которого в оригинальном тексте нет. Да хранит вас Господь Бог!

Веровой вздрогнул, очнулся от воспоминаний, допил свой регидрационный раствор и направился в медицинский отсек. Нужно было приводить себя в норму. Через час ожил ЦУП.

– Капитан, старший помощник Ким пришел в себя и ожидает вас на мостике.

Веровой забросил в рот полагающиеся ему таблетки, запил их простой водой и побрел на капитанский мостик.

– ... а теперь выведи мне текущие координаты.

Майор Ким Сергеев уже работал, разглядывая на голокарте изображение «Магеллана». Вокруг фигурки крейсера плясали планеты и цифры, обозначающие десяток необходимых для оценки навигации параметров, пунктиром обозначался курс «Магеллана».

– Приветствую, Ким.

Старпом вздрогнул от неожиданности и вытянулся по стойке смирно. Капитан быстро оглядел подчиненного. Одет уже по форме, исхудал, бледный цвет кожи. В остальном – все тот же мужчина азиатской внешности. Выглядел Ким Сергеев несколько младше своих лет.

– Вольно, полковник, – дал отмашку Веровой, ругая себя за излишнюю подозрительность. Что он хотел увидеть в человеке, только что вышедшем из криосна? В его голове сейчас, должно быть, ураган из мыслеформ мечется. Невозможно совершать диверсию сразу после реанабиозации. – Чем занимаетесь, полковник?

– Сверяю курс, уточняю местоположение, хотел просмотреть полученные после сканирования Земли данные.

Веровой пристально посмотрел на подчиненного. Пауза несколько затянулась.

«Да что с тобой? – выругался сам на себя капитан. – Расследование уже проведено. Это не он. Никто из руководителей миссии не замешан. Возьми себя в руки!»

Старпом заметил это внутреннее замешательство капитана и спросил:

– Владимир Викторович, с вами все в порядке?

Веровой замялся, устыдившись собственной слабости.

– Да-да, все хорошо, Ким. Просто тяжело выходил из капсулы.

– А, и вас пробрало? – выдохнул старпом. – У меня так каждый раз. Больше пейте и займитесь дыхательной гимнастикой, рекомендую. Скоро все пройдет.

Веровой кивнул.

– Что с курсом?

– Все отлично. ЦУП все держит под контролем.

«А кто держит под контролем ЦУП?» – прожевал мысль Веровой, но вслух спросил о другом:

– По системам пробежался?

– Нареканий нет. Сейчас распаковываю пакеты данных с Земли.

– Почему так долго? – удивился Веровой. – В прошлый раз сообщения распаковались за секунду.

В разговор вмешался ЦУП:

– Обязан доложить, капитан, что в прошлый раз данных с Земли было гораздо меньше.

– А сейчас им откуда взяться? «Ермак» вновь посылает телеметрию?

– Нет, капитан, «Ермак» перестал посылать сигналы через год после крушения, задолго до нашего повторного прибытия к червоточине.

– Тогда откуда сигналы? – насторожился старпом.

– Да еще и в таком количестве, – добавил капитан.

Медленно, но неуклонно догадка заполняла головы мужчин.

– Сигналы исходят от разных источников на Земле и с околоземной орбиты, – довольно буднично выложил шокирующую информацию ЦУП.

Капитан и старпом переглянулись.

– И как много этих сигналов? – неуверенно поинтересовался старпом. Ему бы и хотелось думать, что ЦУП ошибается, но такого просто не могло быть.

Веровой же начал думать в ином ключе. Неужели вновь диверсия? Закачать в главный компьютер «Магеллана» ложные сигналы с Земли? Это же чушь собачья! Кому вообще это понадобилось? Зачем? Призвать «Магеллан» не нырять в червоточину и вернуться к Земле? Так ведь и так все знали, что мы вернемся. Какой в этом смысл?

– Что в этих данных? – спросил капитан, открывая информационную панель. Перед ним тут же замельтешили гигабайты информации.

– Я завершил их обработку, – доложил ЦУП. – Большая часть – естественный фон обитаемой и развитой планеты. Радиоволны всех возможных частот. Системы связи и глобального позиционирования. Телекоммуникация. Интернет. Фонят спутники, товарищ капитан.

– Спутники... – как ребенок, повторил Веровой. Старпом упал в кресло.

– Искусственные спутники планеты – это аппараты с различной электронной начинкой, запущенные с целью...

– Так, не умничай! – перебил компьютер Веровой. – Мы знаем, что такое спутники. Откуда они на планете? Пятьдесят лет назад мы принимали доклады с «Ермака» о том, что земляне живут чуть ли не в эпоху динозавров! Черт возьми, мы сами это видели, когда прибыли в первый раз!

– Позвольте напомнить, капитан, «Ермак» также выдвинул предположение о том, что мы находимся в другой версии Земли.

– Да помню я все, что присылал «Ермак»! – возмутился Веровой. – Но это не объясняет того, как за полвека из чуть ли не первобытных людей земляне превратились в народ, покрывший космос!

– У меня есть сорок три гипотезы на данную тему, – сообщил ЦУП. – Хотите ознакомиться?

– Буди совет, – скомандовал Веровой. – Нужен мозговой шторм.

– Позвольте уточнить, капитан, – вновь ожил ЦУП, – я обработал все пакеты данных. Исходя из новой информации, гипотез теперь только две.

– То есть ты почти наверняка знаешь, что происходит на планете? И что же ты узнал? – не веря своим ушам, спросил Ким.

– Да, старший помощник Сергеев. Последние два пакета данных были посланы на «Магеллан» из одной и той же точки намеренно с разницей в две десятые миллисекунды.

– «Ермак»? – неуверенно переспросил Веровой, не веря сам себе.

– Нет, капитан, в одном пакете – информация от Леонида Боровского.

– А что во втором? – спросил старпом.

– Второй пакет данных я пока не могу расшифровать.

Глава 3. Разведка

Итоговый экзамен сдали не все, лишь пять кандидатов из семнадцати в этот день были удостоены должности пилота. К должности прилагались звание старшего лейтенанта и наряд-путевка в новую часть, где новоиспеченные офицеры должны будут проходить дальнейшее обучение.

По традиции успешное окончание курса праздновалось в столовой. Но в этот раз празднование не задалось, в воздухе витало напряжение. Дружелюбные и приветливые между собой, сослуживцы Гаттака то и дело бросали заинтересованные взгляды на товарища, первым в истории академии удостоившегося Такого экзаменатора.

Гаттаку было абсолютно безразлично внимание сослуживцев к его персоне. Торжественную церемонию вручения отличительных знаков и военных билетов, проводившуюся на плацу перед казармами, он вытерпел безропотно. Когда очередь дошла до него, спокойно принял из рук начальника академии наряд-путевку, выкрикнул: «Слава Бору! Слава Родине!», пожал ледяную руку куратора и вернулся в строй, не добавив от себя ни слова. Затем празднование перетекло в столовую.

До сегодняшнего дня случаев вмешательства самого Бора в рутинную жизнь академии просто не было. Однокурсники Гаттака и весь преподавательский состав, включая штатного капеллана части, то и дело кидали недоуменные взгляды в сторону одиноко сидящего в углу столовой избранника Бора. Парень чувствовал на себе эти взгляды. Он понимал, что за ними кроется страх и ревность. Кто он, Гаттак, в сравнении с великим Бором? Лишь пыль, как и все они, но по какой-то неведомой для всех причине Бор выбрал именно его, Гаттака. Многим это не понравилось, многих это испугало.

Парень пропустил мимо ушей все поздравления и, подкрепившись, постарался поскорее ретироваться. Сославшись на неважное состояние здоровья и необходимость показаться врачу части, он улизнул из столовой сразу же после официальной церемонии вручения направлений и рекомендаций в летное училище.

К врачу он, естественно, не пошел. Разбитое в кровь лицо, смещение носовых костей и пара выбитых зубов не заслуживали медицинского вмешательства – на теле Гаттака такие повреждения зарастали менее чем за неделю. Зубы ему ввинтят на новом месте службы, а нос можно и самому вправить.

Парень миновал длинный коридор, ведущий из столовой в холл здания, быстро накинул на плечи бушлат, шапку и почти бегом преодолел расстояние между столовой и казармой. Дневальный на баночке по привычке вытянулся в струнку и уже хотел было выкрикнуть привычное «Дежурный по роте на выход», но, наткнувшись на знакомое лицо Гаттака, осекся на полуслове и внимания дежурного привлекать не стал. Гаттак благодарно кивнул первогодку и зашагал к себе в комнату. Сбросив с себя верхнюю одежду, первым же делом припал на колени перед тумбочкой со стоящей на ней иконой Бора.

Что сейчас творилось в душе Гаттака? Ответить на этот вопрос он и сам не мог. Он точно испытывал страх, но не тот, который испытывают люди перед опасностью или неминуемой гибелью. Нет, этот страх был сродни бессилию перед неизбежным. Гаттак чувствовал, что ничем хорошим внимание самого Бора к его персоне закончиться не может. Раз его выбрали, стало быть, на то была причина. Как-либо повлиять на уже свершившийся факт парень не мог, как не мог и предугадать грядущее. И это пугало.

Гаттак взглянул на икону: Бор выглядел, как простой смертный. Старик в древнем космическом облачении. Архаичный скафандр, в руках громоздкий шлем. Кожа на лице дряблая, испещренная глубокими мимическими морщинами. Глубокая складка у переносицы выдавала

в человеке на иконе привычку часто и глубоко задумываться. Икона была написана с реальной прижизненной фотографии Бора.

Гаттак вспомнил отрывок из текста священного писания почти дословно. Говорят, что сам Бор подарил это писание людям.

«...Тогда, много лет назад, Он явился миру в человеческом обличии, но люди не смогли принять Его. В силу своей греховности, своей алчности и жадности до власти они не смогли разглядеть в простом смертном геологе божественную искру. Они не смогли увидеть в Его глазах любовь ко всему человечеству. Не смогли принять Его постулатов о нерушимости созданного Им мира. Не увидели прелести в разделении народов. Они, словно замороженные, опутанные демоническими сетями рвались к объединению всех земных ресурсов, к миру между расами и классами людей. Они пытались создать единое общество, которое населяла бы единая раса с единым именем – человек. Этот новый человек должен был вместить в себя признаки всех доминирующих на тот момент рас: монголоидов, негроидов, европеоидов. И мир действительно катился к смешению людей. Стирались границы стран, смешивались культуры и обычаи разных народов. Самым распространенным цветом кожи стал смуглый, самым распространенным разрезом глаз – монголоидный, самым частым цветом волос – черный. Бор видел, как вымирают культуры целых народов, растворяясь в хаосе мультикультурности планеты. Бор понимал, что приведение человека к общему знаменателю приведет к потере человеком собственного «Я». Мир перестанет быть уникальным и интересным в своем разнообразии. Вместо этого – унылая унификация всего, что только можно унифицировать».

Гаттак благоговейно смотрел на портрет Бора и ему казалось, будто сам он сейчас читает ему текст священного писания:

«Во главе всего стояла кучка предателей человечества. Демоны единства, демоны глобализма, демоны мультикультурного мира. Великий Бор понимал, что человечество катится к закату. Век, два, может, полтысячи лет – и на Земле не останется тех, кто хоть как-то отличался бы от себе подобных. Человечество превратилось бы в стадо. Одноликое, однотипное стадо, думающее единым сознанием, следующее единому культурному коду, стремящееся обладать одинаковыми вещами. Идеальные рабы. И тогда Бор решил на свое божественное вмешательство и разрушил весь этот мир. Он наслал на Землю великую кару. Изгнал демонов из мира сего. Уничтожил миллиарды людей, а тех, кто выжил, Бор раскидал по всей Земле и дал им наставление плодиться и размножаться во славу свою. И нарек Он остатки той цивилизации «низшими». Понял Бор, что «низшие» уже не смогут возродить человеческое семя на Земле. И создал тогда Бор из плоти своей и крови своей детей своих. И нарек Он детей своих «высшими». И повелел «высшим» править «низшими». Разделил Он детей своих на три расы и подарил каждой из них свою землю. И дал Бор каждой из рас технологии. Вдохнул в умы детей своих дух знания своего. И разговаривал со многими. И процветали расы. И размножились они по всей Земле. И «низшие» безропотно служили им».

Гаттак вздрогнул. Безропотно? Он знал, что на планете есть как минимум пять зон, где «безропотность» низших вызывала сомнения. А иначе зачем создавать вооруженные силы, военно-морской и военно-воздушный флот? Зачем гнать человека в космос и устраивать там аванпосты? Только ли из-за демонов?

Гаттак сомневался. Бывали в его жизни дни, когда он не понимал этот мир, и в такие дни он чувствовал себя особенно незащищенным. В любой момент, в любую секунду мысли, терзавшие его душу, могли навлечь на него беду. Бор не прощал малодушия, Бор не прощал инакомыслия. Но самым страшным грехом Бор и его церковь считали маловерие. Именно этого Гаттак боялся более всего – утратить веру в Бора, лишиться Его покровительства.

Еще минуту Гаттак усердно повторял слова единой молитвы, чтобы заглушить в своей голове терзающие его вопросы. Не здесь! Не на базе! Быть может, в Пустоши он задаст их сам себе. Он будет думать об этом там. Там, где его мысли и чувства не будут видны Бору. Там, где

Гаттак сам решает свою судьбу. Гаттак молился так истово, что начал впадать в оцепенение. Это чувство посещало его довольно редко, в основном в моменты особой душевной слабости. Но никогда еще он не ощущал присутствия Его – Бора – так остро. Казалось, еще мгновение – и Бор ответит на его молитву, снизойдет до своего чада и успокоит своим голосом, утешит своей любовью, вразумит своей мудростью.

– Очень похвально, кандида... эмм... пилот Гаттак.

Знакомый голос вывел Гаттака из священного транса. Парень вздрогнул, перевел полные слез глаза на входную дверь и увидел начальника академии. Немолодой уже, но довольно крепкий старик в парадной форме сухопутных сил Родины стоял в дверном проеме, ожидая приглашения. По старым армейским обычаям, если подчиненный удостоивался отдельного жилья, порог этого жилища без разрешения не смел переступить никто.

Гаттак чуть заметно кивнул, и начальник академии вошел в комнату. Плотнo прикрыв за собой дверь, он в два огромных шага прошел к заправленной кровати парня и сел на ее край. Гаттак поднялся с колен и встал по стойке смирно, как это предписывал устав. Полковник Горр пристально посмотрел на подчиненного.

– Вольно, пилот, – спокойно сказал он, и Гаттак позволил себе принять более расслабленную позу.

Несколько секунд, показавшихся парню вечностью, начальник разглядывал новоиспеченного пилота, а после заговорил:

– Через несколько часов я перестану быть твоим начальником.

Гаттак молчал, не отводя глаз от старшего по званию.

– Знаешь ли ты, что меня сейчас тревожит, Гаттак? – аккуратно, словно шахматные фигуры на доске, расставил слова полковник Горр.

Гаттак покачал головой. Он не знал, да и не мог знать мыслей командира. Горр выдержал еще одну паузу, на этот раз более длинную. Все это время он пристально изучал мокрое от слез лицо Гаттака. Командира, казалось, терзал какой-то вопрос. Из тех, задать которые напрямую труднее всего. Гаттак чувствовал этот страх. Чувствовал и понимал: раз полковник пришел к нему лично, трудного разговора не избежать. Так и вышло.

– Как тебе это удалось? – наконец решился Горр.

Гаттак на секунду замешкался:

– Я вас не понимаю.

– Я имею в виду тот вопрос на экзамене.

– Я ответил так, как велело мне сердце, – спокойно ответил Гаттак. – Разве не в том смысл экзамена, чтобы по ответам кандидата сделать выводы о его профпригодности?

– Я не о твоём ответе, Гаттак, – выдохнул начальник академии, еле заметные поглаживания бедер выдавали его волнение. Наконец он решился озвучить свои мысли. – Легко ответить на вопрос, который знаешь заранее.

Лицо Гаттака побагровело. Он понял наконец, что означали эти недоброжелательные взгляды сослуживцев в столовой.

– Другие тоже считают, что я каким-то образом подделал свой билет?

Начальник кивнул.

– Я не стану перед вами оправдываться, полковник.

Брови полковника Горра взлетели вверх:

– Отчего же? Я все еще твой начальник. Если мне придет в голову инициировать проверку по данному инциденту, тебе придется задержаться в части на неопределенное время.

– Вы не сделаете этого.

– Откуда такая уверенность?

– Я не обязан оправдываться за то, чего не совершал. К тому, что произошло на экзамене, я не имею никакого отношения. Единственное, что я могу ответить вам на ваш выпад в мой

адрес, это то, что мне не было никакого резона устраивать все это. Вы сами все видели. Я прошел все испытания, выдержал все поединки и решил все предложенные задачи. К моменту появления вопроса я уже сдал экзамен, и сдал его на «отлично». Вы прекрасно понимаете это.

Полковник кивнул головой.

– Понимаю. И именно потому не могу взять в толк, зачем в таком случае был нужен весь этот концерт?

– Я еще раз повторюсь, полковник, – довольно дерзко ответил Гаттак, не повышая, однако, голоса, – я не намерен оправдываться за то, в чем не виноват. А вы не станете инициировать никаких проверок.

– Но я могу это сделать.

– Но не сделаете.

Немой вопрос, застывший на морщинистом лице полковника, заставил Гаттака продолжить свою мысль:

– Не верить в случившееся означает не принимать волю великого Бора. Проверять логи компьютера – означает поставить под сомнение решение Бора вмешаться в мою судьбу. Это будет расценено как ваше неверие, малодушие, несоответствие должности и званию. Вы не пойдете на это. В ваших интересах, коль вы не верите в произошедшее, отпустить меня с миром и избавиться от всей этой головной боли. В конце концов, если я лгу, Бор сам покарает меня. И покарает жестоко.

Начальник почесал затылок, словно обдумывая сказанное, но потом все же сменил тон:

– Ты, Гаттак, еще юн и неопытен. Пойми, я не о себе сейчас пекусь. Я старик и мои дни в армии Родины сочтены.

Сейчас уже настало время Гаттака удивленно посмотреть на начальника. Не выдержав колючего взгляда свежее испеченного пилота, тот вынул из внутреннего кармана кителя листок и передал его парню. Гаттак неуверенно взял протянутую бумагу и прочел содержимое. К концу текста он уже ничего не соображал:

– Это же...

– Приказ о твоём переводе, – закончил Горр. – А еще в нем указание приложить к документам мою личную характеристику на тебя.

– Перевод? Но куда? Разве я не зачислен в отряд космонавтов? Разве я не буду пилотом?

– Нет, Гаттак. Они что-то знают о тебе. И переводят тебя в другое место.

– Куда именно?

– В письме лишь адрес и номер твоей новой части. Это все, что я знаю.

– Я вам не верю, – сквозь зубы прошипел Гаттак.

– Ты сам видел письмо, сынок... – начал Горр, но парень перебил его, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы субординации.

– Не верю в то, что человек с вашим опытом не знает, что это за часть, – Гаттак ткнул пальцем в листок бумаги, где действительно были указаны лишь адрес назначения и безликий номер части.

Полковник Горр кивнул Гаттаку, и на его лице появилась недвусмысленная ухмылка.

– Давай так, Гаттак. Я задаю тебе прямой вопрос, а ты отвечаешь мне односложно: «да» или «нет». Мне нет нужды проверять тебя на полиграфе, ложь я распознаю и так. И, если ты скажешь мне правду, я отвечу на твой вопрос.

Гаттак кивнул, соглашаясь на условия.

– Итак. Ты причастен к инциденту на экзамене?

– Нет, – твердо ответил Гаттак, глядя начальнику прямо в глаза. Горр встал, поправил свой китель и вышел из комнаты. У самой двери он остановился и, не оборачиваясь, произнес:

– Я отражу все нюансы нашей беседы в твоей характеристике. Через час за тобой придет транспорт. Зайдешь в канцелярию за документами и прибудешь на аэродром к пяти часам. Бывай, разведка.

Гаттак остался наедине с этим словом – «разведка». Не чувствуя под собой твердой опоры, он сел на свою кровать и невидящим взглядом уставился в пустоту. Он будет разведчиком? Таково желание Бора? Сделать из Гаттака разведчика?

По мере осознания этой мысли сердце в груди парня заколотилось. Нечасто приходилось Гаттаку так бурно реагировать на повороты судьбы. Похожие чувства он испытывал, перед тем как покинуть колыбель и отправиться на учебу в школу с военным уклоном. Тогда судьба Гаттака сделала первый серьезный поворот – из него решили сделать не ученого, не городского служащего, не оператора автоматизированных систем, а именно военного. Сейчас в жизни Гаттака происходил такой же поворот – вместо простой летной школы его отобрали в разведшколу. Он, Гаттак, в скором времени займет свое место среди военной элиты. Бор выбрал его. Бор, великий и мудрый.

Глава 4. Послание

– Так, ЦУП, – попытался собраться с мыслями капитан Веровой, – давай еще раз и по порядку.

Экстренный брифинг, им организованный, больше походил на похмельное утро клуба анонимных алкоголиков. Времени на полноценную реанабиозацию Веровой никому не дал и собрал членов совета миссии «Магеллан» сразу же после их пробуждения и прохождения процедуры идентификации.

Старший помощник Ким Сергеев сидел перед голокартой и выглядел уже сносно. Вадим Поручнев – инженер систем безопасности – полусидел-полулежал в своем кресле. Глаза инженер открывал лишь для того, чтобы не промахнуться ртом мимо трубки, торчащей из пластикового пакета с регидрационным раствором. Со стороны он выглядел, как турист, потягивающий в ленивой неге вечерний коктейль на пляже. Остальные разбуженные, впрочем, выглядели не лучше. Научный руководитель проекта «Заселение» Сергей Зольский сидел, облокотившись о стол. Хотя глагол «сидел» в отношении его позы можно было употребить лишь с огромной натяжкой. Если бы не открытые, постоянно слезящиеся глаза, красные от яркого излучения голокарты, можно было подумать, что он завсегдатой питейного заведения, которого с минуты на минуту попросят на выход вышибалы. Бодрее остальных выглядел Виктор Орлов – начальник ОНР (отряд немедленного реагирования), но и его помятый вид красноречиво указывал на то, что мужчину на экстренный брифинг скорее привели насильно, нежели он сам сюда стремился.

ЦУП выполнил команду капитана и бесстрастно повторил сказанное ранее:

– Первый пакет данных был отправлен в 19:47 по местному земному времени и летел к нам около пятидесяти минут. Спустя две миллисекунды был принят второй пакет. Согласно расчетам, учитывающим нашу текущую скорость и время подлета сигнала, можно с уверенностью утверждать, что оба пакета данных были отправлены из одного и того же места.

– А почему второй сигнал зашифрован? – не открывая глаз, спросил Поручнев.

– Я не компетентен делать выводы на основе действий биологических существ.

– Людей, ЦУП, – поправил компьютер капитан Веровой. – Не называй нас биологическими существами.

– Кстати, ЦУП прав, – вмешался Орлов. – У нас нет никаких оснований полагать, что сигнал отправили люди. «Ермак» же погиб. Давно погиб. О судьбе выживших нам ничего не известно.

– Но нам доподлинно известна судьба Леонида Боровского! – сказал старпом. – Мы все изучали информацию от Мечникова, отправленную нам с «Ермака».

– Да, – согласился капитан Веровой. – Напомню, если кто забыл, что Герман Степанович считал предателем именно Леонида Боровского – главного геолога миссии. Мечников довольно четко обосновал свои обвинения.

– Да, а потом прострелил ему голову, – продолжил начальник ОНР. На Орлова поднялось четыре пары глаз. – Что? Я тоже видел отчеты, которые присылал нам Мечников. Он выяснил, что за всеми странностями и диверсиями стоял именно наш старый геолог и его сынок. При помощи Марии Веровой – извините, капитан, но таковы факты – он передал коды доступа к главному компьютеру «Магеллана» на Землю, где ими воспользовался его сын Константин Боровский, отправив ложный сигнал бедствия. Проверить его подлинность и связаться с Землей с обратной стороны червоточины мы не смогли, а потому сломя голову бросились обратно к Земле. Поправьте меня, если я неправильно восстановил картину. *(Описанные события происходили в книге автора Евгения Ильичева «Магеллан, часть вторая – Егеря»)*

– Все верно вы описали, – выдохнул капитан Веровой. – Только сломя голову мы бросились не просто так, а потому что так велит кодекс объединенной Земли: приоритет безопасности планеты над безопасностью миссии «Магеллан».

– Ну, да, – согласился Орлов и продолжил. – Вернувшись в Солнечную систему, мы обнаружили пустую Землю. Вернее, Землю, пережившую небывалый катаклизм.

– И на тот момент на этой Земле не было никаких признаков развитой цивилизации, – закончил капитан. – После попытки захватить «Магеллан» (а иначе диверсию, произошедшую на крейсере, я назвать не могу) мною было принято решение увести корабль обратно к червоточине. Там мы и получили первый пакет данных с «Ермака» – единственного челнока, уцелевшего при высадке на планету. На тот момент выжившие во главе с начальником медицинской службы Мечниковым уже вывели предателя Боровского на чистую воду и уничтожили его. А через год, судя по последним донесениям с «Ермака», Боровский каким-то образом ожил и захватил власть на планете.

– Да, – подал голос Зольский, – «Ермак» тогда поведал нам поистине фантастическую историю. Альтернативная Земля, альтернативные земляне, Боровский со своими примочками в голове и сотни тысяч поселенцев из криокапсул иной ветви человечества. Но, насколько мне известно, через год «Ермак» перестал посылать в космос сообщения. Что с ними могло произойти?

– Последнее сообщение, полученное нами от Мечникова, касалось возрождения Боровского. Вернее, его реинкарнации в виде программы, – подытожил капитан.

– И что, по-вашему, могло произойти? – подвесил в воздухе вопрос начальник ОНР.

– Очевидно, между нашими ребятами с «Ермака» и Боровским произошел очередной раунд противостояния за власть на планете, – пожал плечами, ответил Веровой.

– И это противостояние выиграл именно Боровский, судя по тому, что последнее послание мы получили от него, а не от Мечникова.

– Что ж, – сказал капитан, – давайте еще раз послушаем это послание. ЦУП, включи.

– Да, капитан.

Вместо голокарты над столом появилось изображение Земли. Запись, очевидно, велась с геостационарной орбиты. Зазвучал знакомый голос геолога Боровского.

«Экипажу межзвездного крейсера «Магеллан». Передачу ведет Леонид Боровский – действующий правитель Родины. Мы наблюдаем за вашим полетом последние сорок лет. Выведа человека в космическое пространство, мы получили возможность построить мощный телескоп на орбите и поняли, что вы не ушли сквозь пространство-время в иную галактику. Земля и я как ее представитель безмерно рады такому решению. Экипаж «Магеллана», равно как и пятнадцать тысяч поселенцев на его борту, станут достойным подспорьем для нашей новой цивилизации. Уверен, вы получали сообщение с «Ермака». Не знаю, что именно вам передали предатели Родины, называвшие себя его экипажем, но смею заверить вас, что мне удалось их нейтрализовать. Сейчас наша новая цивилизация процветает. Численность населения планеты уже превышает четыре миллиарда человек. Мы населяем все пригодные для жизни локации Земли. На планете есть развитая инфраструктура, промышленность, сельское хозяйство, медицина, развиваются науки, совершенствуются технологии. Мы будем рады встретить вас и принять в наши ряды. Уверен, вы займете достойное место в текущей версии Земли. Леонид Боровский».

– В данном сообщении также имеются подробные инструкции по выводу «Магеллана» на геостационарную орбиту. Отображены траектории полета спутников и точка фиксации над планетой космического лифта.

– И это все они успели за сто с небольшим лет? – развел руками научный руководитель Зольский. – От феодализма до космического лифта? Не верю.

– Очевидно, что Боровский активно использовал технологии предыдущей расы землян, – ответил Веровой. – Если учесть, что Леонид Боровский не человек, а программа, имеющая огромные вычислительные возможности, я склонен допустить вероятность того, что он мог организовать население Земли таким образом, чтобы развитие планеты шло взрывными темпами.

– Только меня кольнуло это «нейтрализовал» в сообщении? – уточнил старпом. – Что в итоге с экипажем «Ермака»? Он убил их?

– Он этого не сказал, – пробубнил Поручнев после очередного глотка соленого раствора. – «Нейтрализовал» на языке программы может означать что угодно: договорился с ними или заточил в темницу, расчленил и скормил собакам, ограничил их передвижение по планете, отобрал «Ермак»... Господи, да что угодно можно назвать этим словом. Какая нам разница, прошло столько лет... Капитан, вы меня простите, но фактам нужно смотреть в глаза – маловероятно, что мы встретим экипаж «Ермака» целым и невредимым. И залезть Боровскому в голову мы тоже не сможем.

– Нет у него головы, – сказал начальник ОНР Орлов, – отстрелили мои ребята эту голову.

Капитан молчал, но от наблюдательного Орлова не ускользнул холодный блеск его глаз. Капитан понимал, что живой он дочь не увидит. Он понимал это еще тогда, когда уводил «Магеллан» от Земли, и это бремя теперь будет лежать на его сердце до самой смерти.

– Так, ясно. Мы вернемся на все готовенькое, – выдавил из себя инженер систем безопасности. – Но почему вы разбудили нас так рано, капитан, и заставили страдать на этом брифинге? До Земли еще пять лет полета.

– Во-первых, у меня нет оснований не доверять Мечникову, – спокойно ответил Веровой. – Если он и моя дочь утверждали, что Боровский – предатель, то вполне вероятно, что так оно и есть. А сейчас этот предатель ждет нас с распростертыми объятиями. Вам не кажется это подозрительным?

Поручнев крикнул, стараясь сменить позу в кресле, и лишь после того, как устроился удобнее, ответил:

– Допускаю, что Боровский-человек мог быть предателем. Хотя этому, кстати, нет никаких прямых доказательств. Тут у нас типичная цепь подозрений – слово Мечникова против слова Боровского. Но, допустим, он действительно пытался саботировать миссию «Магеллан». Сейчас Боровский – это программа, набор логических цепей и математических расчетов. Если учесть, какую титаническую работу на планете он провел, до какого уровня поднял текущую цивилизацию всего за сто лет, не стоит ли подумать над его предложением?

– Над каким предложением? – переспросил старпом. – Вернуться в родные пенаты и занять «достойное место в текущей версии Земли»? Как вы думаете, как выглядит это «достойное место» в глазах программы? Ну, или что там у него вместо глаз...

– Не нравится мне все это, – озвучил свое мнение Зольский. – Мы понятия не имеем, что стало с «Ермаком» и его экипажем. Они ведь год провели на планете, прежде чем сгинуть. За этот год они тоже проделали огромную работу. Они высылали нам отчеты ежемесячно, и ничего не предвещало беды. А потом они вновь встретились с Боровским – и пропали. После чего Боровский высылает нам свое приветственное послание.

– Я согласен с мнением научного руководителя, – ответил капитан.

– А я, кстати, предлагал стереть с лица Земли ту обреченную цивилизацию, – напомнил Зольский, – и построить на ее месте свою.

– Ну, кстати, как оказалось, не такая уж она и обреченная, – парировал начальник ОНР Орлов. – Они и в космос вышли, и лифт построили, и в гости зовут, как родных. Но с мнением капитана я согласен, выглядит все это очень странно. Очень мало данных. Кстати, капитан, вы сказали: во-первых, у вас нет оснований не доверять Мечникову. А что во-вторых?

– А во-вторых, у нас есть еще одно послание, которое было отправлено с того же передатчика, что и первое, но с небольшой задержкой. И оно, в отличие от первого, зашифровано.

– И что с того? – развел руками Поручнев. – Может, оно тоже от Боровского.

– И с какой такой стати программе «Боровский» шифровать второе послание? – спросил Ким Сергеев. – Мы проверили, второе послание не содержит ни компьютерных кодов, ни вирусов, ни каких-либо еще опасных для нас данных. Это текст. Зашифрованный текст без ключа к шифру.

– Я вижу лишь одно объяснение, – предположил Орлов. – Второе послание отправлял не Боровский.

– А кто? – не понял намек руководителя ОНР Поручнев.

– Тот, кто не мог отправить свое послание из другого места. Допустим, у него не было такой технической возможности, но и светить это послание перед Боровским он не хотел. Скажем, это противник Боровского.

– Мечников? – неуверенно предположил Поручнев. – В таком случае ему на текущий момент около ста пятидесяти лет исполнилось. А если учесть все периоды гибернации, то ему вообще без малого пятьсот!

– Если учитывать гибернацию, мы тут все долгожители, – мрачно констатировал Зольский.

– Кто знает? Может, он действительно в гибернацию лег, – задумчиво произнес Орлов.

Капитан Веровой покачал головой.

– Нет. Мечников сообщал, что на планете нет гибернационных камер. Последняя криокапсула была на борту «Ермака», в ней на планету спускалась моя дочь. И потом, даже если эта капсула и уцелела, она не могла выполнить функцию гибернатора, для этого она должна находиться на «Магеллане». Без доступа к нашим ресурсам эта капсула всего-навсего мощный автодок. Да и тот, скорее всего, сгинул вместе с «Ермаком».

– А разве у предыдущей цивилизации не было технологий гибернации? – предложил свой вариант Зольский.

– Были, – согласился Веровой, – но экипаж «Ермака» в своих последних донесениях о новой стычке с Боровским сообщил, что потерял доступ к «Колыбели».

– Ну да, логично, – сказал старпом, – раз Боровский выходит с нами на связь, то из той стычки именно он вышел победителем. А значит, у наших ребят действительно не было шансов воспользоваться технологией иной расы.

– Ну, или мы не видим всей полноты картины, – заключил Веровой. – Они смогли, скажем, найти другую базу с гибернаторами, но не смогли с нами связаться.

– Без «Ермака»? С полным доминированием на планете людей Боровского? Вряд ли, – скептически заметил Поручнев.

На минуту на мостике воцарилась тишина.

– Господа, – нарушил молчание Орлов. – Давайте думать логически. Если второе послание отправил не Боровский, а кто-то ему противостоящий, то логично предположить, что зашифровано оно не столько от нас, сколько от Боровского.

– В целом, логично, – согласился Зольский.

– Стало быть, это послание адресовано нам. Ну, кому-то из нас.

– В смысле? – не понял Ким Сергеев.

– Кому-то, кто наверняка разгадает шифр.

– Даже ЦУП не может расшифровать послание, – возразил старпом. – Разве может кто-то из нас потягаться с его скоростью обработки данных и подобрать ключ к шифровке?

– Нет, конечно, – угрюмо ответил Орлов.

Залипший на одной точке капитан Веровой вдруг встрепенулся:

– Что вы сказали, Ким?

– Я говорю, что мы не можем тягаться с компьютером и не в силах подобрать ключ к шифровке.

– Верно, – согласился капитан, – но в таком случае пославший нам шифровку неизвестный допустил огромную глупость, не дав к ней ключа. Если только...

– Что? – не понял старпом.

– Если только не был уверен, что один из нас точно догадается, как расшифровать послание.

– И кто этот один из нас? Я лично не знаю ключа, – пожал плечами старпом.

– И я, – согласился Зольский.

Их поддержали Поручнев и Орлов. И только на лице капитана замерла странная улыбка. Веровой уже видел зашифрованное послание – бессмысленный на первый взгляд набор слов и цифр. Тогда, сразу после выхода из гибернации, эти строки ничего не сказали ему. Сейчас же, прокручивая в памяти эти бессвязные слова, он почувствовал, что они напоминают ему что-то.

– ЦУП! Вышли мне в каюту распечатку зашифрованного послания.

– Распечатку? – удивился Орлов. – Капитан, вам нужна бумажная распечатка?

Вопрос застал капитана Верового уже в дверях. Покидая отсек, он выкрикнул:

– Всем приводить себя в порядок! Повторный брифинг через три часа!

С этими словами капитан покинул мостик, заставив подчиненных в растерянности переглядываться.

– Что это с ним? – удивился Поручнев.

– Не знаю, – ответил ему Зольский, – но лично я собираюсь последовать его совету и прилечь в автодок. Что-то мне нехорошо, господа.

Спустя три часа совет миссии вновь собрался на мостике, и на этот раз ее руководители выглядели более чем достойно. Примеру научного руководителя последовали все, кроме старпома, и теперь действительно чувствовали себя гораздо лучше. У некоторых даже аппетит проснулся – Орлов и Зольский явились на мостик с белковыми коктейлями.

– ЦУП, – обратился к компьютеру инженер систем безопасности, – как глубоко в космос смог пробраться Боровский?

– Судя по данным сканирования радиочастот и визуальным наблюдениям, уровень развития космической отрасли на планете соответствует середине двадцать первого века нашей эпохи.

– Базы на Луне? – уточнил Поручнев.

– Из функционирующих аппаратов я засек автоматические базы на Луне и многочисленные зонды на Марсе.

– Что насчет Юпитера? Мы как раз его пролетаем, – вмешался научный руководитель.

– Только нефункционирующие аппараты, – ответил ЦУП. – Я наблюдаю их на Ио и Ганимеде.

– В каком смысле «наблюдаю»? – удивился Зольский. – Ты же сказал, они не функционируют.

– Я улавливаю их излучение. Источником энергии для них служили РИТЭГи (Радиоизотопный термоэлектрический генератор).

– РИТЭГи? Но это же древность.

– Именно поэтому аппараты на спутниках Юпитера уже не функционируют.

– И как ты их нашел тогда?

– По гамма-излучению. Распадаясь, активное вещество РИТЭГа...

– Ионизируют вещество... – протянул Зольский. – Ладно, не продолжай, дальше ясно. Ты можешь установить, как давно эти зонды находятся на поверхности Ио и Ганимеда?

– Аппаратам без малого две тысячи лет, – тут же отозвался ЦУП.

– Значит, эти аппараты – не Боровского рук дело.

– Да, научный руководитель, – согласился ЦУП. – Если принять теорию дуальности и допустить, что мы сейчас не в нашей Солнечной системе, то эти спутники – свидетельство деятельности иной ветви человечества.

– А что, у кого-то были сомнения?

Капитан вошел так стремительно, что все вздрогнули. Выглядел он бодро, хоть и не сменил свой комбинезон на форму. На лице его сияла торжествующая улыбка.

– Мы догадывались еще там, на подлете к червоточине, – сказал Веровой, усаживаясь в капитанское кресло и раскладывая на столе перед собой какие-то бумаги. – А подтверждение этой теории мы получили, расшифровав все послания с «Ермака». Никаких сомнений нет – мы в ином мире. И как попасть в наш мир, у меня лично нет никаких предположений.

– Да, капитан, – согласился с мнением Верового Зольский. – Улететь через червоточину из мира, который нам не принадлежит, значит улететь в неизвестном направлении.

– Еще не факт, что там мы встретим пригодную для жизни планету, – согласился Поручнев.

– Именно поэтому мы и возвращаемся, – подытожил капитан. – В нашем положении ничего не остается, как решать проблемы чужого мира, заселять его и уже здесь строить новую цивилизацию.

– Но на это уйдут сотни, может, тысячи лет! – обреченно выдохнул Зольский.

– И это еще при условии, что нам удастся победить Боровского, – добавил капитан.

– Победить? – не понял Орлов. – Нам придется воевать?

– Вы что-то поняли... – догадался старпом. Лицо капитана вновь озарила загадочная улыбка. Он медленно развернул листы бумаги на столе, заслонив луч голокарты. Изображение планеты, висевшее в воздухе, пропало.

– Я не сразу догадался, кто мог послать второе сообщение. Но когда сделал допущение, что это послание адресовано именно мне, то все встало на свои места.

– Ваша дочь? – предположил Ким Сергеев.

Веровой кивнул и опустил взгляд на исписанные его рукой листы бумаги. Только сейчас все присутствующие обратили внимание на опухшее лицо капитана: совсем недавно он плакал. Покрасневшие, блестящие от влаги глаза были тому ярким свидетельством.

– Я кое-что вспомнил, – наконец проговорил капитан Веровой. – Вы все знаете мою биографию. По сути, она образцово-показательная – иных вариантов у кандидатов в капитаны «Магеллана» просто и быть не могло. Но шила в мешке не утаишь. Все присутствующие здесь офицеры и руководители подразделений – очень тактичные люди. Вы никогда не поднимали в моем присутствии вопросов семьи. Каждому из вас известно, что со своей супругой я не жил полноценной семейной жизнью почти с самого рождения нашей дочери. К делу это не относится, тем более что моя супруга все понимала и стоически приняла мое решение посвятить себя космическому флоту. Не понимала меня лишь наша дочь. Мария до определенного возраста восхищалась мной, я был предметом ее гордости, хоть и пропадал постоянно в многолетних командировках. Я любил ее. Отказаться от нелюбимой супруги – это одно, но отказаться от любимой дочери...

Видно было, что слова эти даются капитану тяжело. Они с трудом слетали с его губ, застревая где-то в горле, будто не решаясь показаться на свет божий. Но капитан все же выплевывал их, выдавливал из себя, словно давно хотел избавиться от этого груза. Он продолжил:

– Человеческую природу не изменить. Повзрослев, дочь стала острее воспринимать мое решение. А узнав о том, что именно я возглавляю миссию «Магеллан», она и вовсе озлобилась. Я поступил с ней эгоистично. Ради привлечения к себе моего внимания она пошла во флот и действительно стала первоклассным пилотом. Все это время я думал, что она решила на этот шаг ради меня, и я не мог отказаться от возможности не расставаться с единственным по-настоящему родным мне человеком. Я осознанно подталкивал ее к решению подать заявку

на вступление в экипаж «Магеллана». Я же эту заявку лоббировал. Единственное, чего я не учел, – это то, что уже в тот момент она действовала не ради меня.

Веровой надолго замолк. Присутствующие на импровизированной исповеди не решались нарушить этого молчания. Наконец Ким Сергеев робко сказал:

– Капитан, если вам тяжело об этом вспоминать...

– Ничего, Ким, – спокойно выдохнул тот, – вы должны знать.

Сергеев кивнул и отступил. Веровой же помолчал и продолжил:

– Получив от «Ермака» первые послания, я узнал, что моя дочь выжила. Также мы все узнали, что она одна из виновниц текущего положения вещей. Пусть она и была одурманена этим проходимцем Боровским, но я не снимаю с нее ответственности, как не снимаю ее и с себя. Коренная причина всех наших проблем – мой эгоизм.

Капитан вновь замолчал, на этот раз надолго. Не выдержав столь драматичной паузы, первым заговорил начальник ОНР:

– Капитан, не думаю, что ковырять сейчас прошлое – лучшая затея. Вы жили так, как жили. Мы все в равной степени участвовали в судьбе нашей миссии, и находимся мы на борту этого крейсера не потому, что жили как-то неправильно, а потому, что сами приняли это решение. Сами приняли, понимаете? То, о чем вы говорите, называется жизнью. И каждый проживает ее в силу своих возможностей, – Орлов встал и прошелся по гладкому полу капитанского мостика. Остановился возле смотрового окна. В стеклянной глади на фоне черного космического пространства отразилась его фигура, – Давайте примем вашу исповедь как данность, перестанем ворошить ваше грязное белье и перейдем к текущим проблемам, капитан. Что вам удалось выяснить насчет шифровки?

Веровой поднял взгляд на Орлова и кивнул ему. Короткий кивок, в котором любой мужчина прочтет все, что нужно. Орлов ответил на это невербальное «спасибо» улыбкой. Капитан выпрямился, втянул фильтрованный воздух мостика и, шумно выдохнув, продолжил:

– В своих длительных командировках я часто на досуге думал о дочери, все пытался придумать способ быть к ней ближе. Если не физически, то хотя бы незримо. В конце концов для своей десятилетней бандитки я сочинил серию рассказов, основанных на моих личных приключениях. Знакомый писатель высоко оценил тогда мое творчество и даже помог мне создать настоящую печатную книгу – сборник моих фантастических очерков. Я никогда не публиковал их, они принадлежали и посвящались лишь одному человеку на Земле – моей Машке. Я подарил ей эту книгу со словами, что, где бы я ни был, как бы далеко ни забирался в дебри вселенной, эта книга будет связывать нас. Потому что она уникальна, она единственная в своем роде. Написал ее уникальный, единственный в своем роде человек для такой же уникальной девочки. Она была очень довольна подарком, зачитывала эти сказки до дыр. А когда стала чуть старше, сама придумала игру. Она писала мне письма, шифруя каждое слово четырьмя цифрами – номер рассказа, номер главы, порядковый номер строчки в этой главе и, наконец, номер слова. Если наложить этот шифр на рассказ, можно получить довольно связный текст. Я часами корпел над этими письмами, находясь в далеких командировках, и радовался, как ребенок, когда у меня получалось расшифровать очередное письмо от дочери.

– Погодите, капитан, – вмешался в рассказ старший помощник, – но в зашифрованном послании вовсе нет цифр, это бессмысленный набор слов.

Веровой улыбнулся и кивнул Киму:

– Точно. Мария решила подстраховаться и усложнила шифровку.

Капитан выудил из вороха бумаг на столе небольшой, потрепанный временем томик в твердой обложке и бережно раскрыл его на первой странице.

– Если разбить шифровку на слова, сосчитать число букв в этих словах и получившиеся цифры наложить на текст моей книги, получится это.

Он взял в руки один из листков и положил его поверх сборника. На листке красовался текст.

– Капитан, – возмутился Поручнев, – вот уж не думал, что вы настолько склонны к драме. Читайте уже скорее сообщение от вашей дочери!

Капитан улыбнулся, взял в руки листок – последнее послание дочери – и прочитал текст:

«Отец простить мне за все нам удалось выживать не верить ложные боги предать всю землю мы поражение но спрятаться долгий год выживаем с друзья организованный сопротивляется большой сеть на планета я прожить долго воспитание дочь друг считать все решения боги будущее самое главный получилось спрятать на Земля лидер будущее война помогать возвращение планета нельзя убийство люди они рабы ложные боги любить прощать мне за все».

Глава 5. Глас Божий

Гаттак вот уже второй месяц проходил подготовку на засекреченной базе СРШ (Специальной разведывательной школы). Несмотря на свою секретность, спецшкола находилась на окраине столицы Родины в неприметном особняке постройки эры смуты. Трехэтажное серое здание спецшколы располагалось на закрытой территории скромного научно-исследовательского центра космических инноваций, сам центр же находился за высоким кирпичным забором. Служило там не больше пятидесяти человек. Закрытая территория, строгая пропускная система и особый режим объекта гарантировали пятерым слушателям разведшколы конфиденциальность и сохраняли в секрете их личности.

Тихий спальный район Борограда, где располагался центр космических инноваций, больше походил на студенческий городок. Десяток высших учебных заведений перемежались со студенческими кампусами и общежитиями для приезжих студентов. Между ними располагались уютные районы малоэтажной застройки, где проживал преподавательский состав ВУЗов со своими семьями и горожане, занятые в сфере обслуживания, – парикмахеры, портные, водители общественного транспорта, врачи, учителя школ, воспитатели детских садов, продавцы и другие. В каждом таком районе были свои детские сады и школы, центры продовольствия и досуга. Также важной и неотъемлемой частью любого района были церкви, коих во всем Борограде насчитывалось больше двух тысяч.

Служители культа Боровского избегали тесного общения со своей паствой и жили довольно обособленной аскетической жизнью. Заводить семьи священникам и клирикам-монахам как черного, так и желтого порядков запрещалось. Благами цивилизации они, конечно, тоже пользовались, но не особо в них нуждались, поскольку любая, даже самая маленькая церковь Бора была самодостаточной. На территории каждой из них, как правило, располагались храм, звонница, несколько жилых зданий для священников и монахов и хозяйственные постройки: склады продовольствия, кухни, трапезные, мастерские, оружейки.

Неотъемлемой частью каждого церковного подворья были исповедальни – отдельно стоящие на церковной территории здания с несколькими изолированными кабинками внутри. Чем крупнее церковь, тем больше при ней были исповедальни, число кабинок в некоторых достигало сорока. В каждой такой кабинке любой прихожанин мог напрямую обратиться к Бору с молитвой о покаянии, благодарственной молитвой или с молитвами-требами. Так Бор мог получать и анализировать информацию непосредственно от граждан Родины. Информация эта собиралась и классифицировалась самим Бором, он же проводил анализ текущих проблем и требований населения и делал на их основе выводы. Выводы, в свою очередь, трансформировались в готовые решения в виде прямых и четких указаний, которые Бор передавал непосредственно служителям культа. В зависимости от направленности указаний их выполнением занималось одно из сословий монашества. Клирики желтого порядка занимались организацией социальной жизни общества, а клирики черного порядка – государственной безопасностью и правопорядком. Помимо Бора, церковной жизнью руководил клирикторат, во главе которого было четверо высших клириков, по два от каждого порядка. Поговаривали, что с ними Бор общается лично.

Обо всех нюансах городской жизни Гаттак, конечно, знал, но одно дело знать, и совсем другое – жить этой жизнью. С самого своего внедрения в общество он жил в изолированных социальных группах: школа-интернат, военное училище, академия. Он всегда был при деле, и дело его жизни было предопределено ему Бором еще при внедрении. С самого внедрения (высшие не рождались, они именно внедрялись в общество уже готовыми его членами) ему внушалось, что Бор не может ошибаться с выбором предназначения и жизненного пути внедренного. Он был высшим, и это само по себе уже накладывало на него отпечаток долга.

За принадлежность к касте высших Гаттак, как и любой внедренный, платил полной покорностью воле Бора. Она не оспаривалась и не подвергалась сомнению. Дерзнувшие ослушаться воли Бора имели дело с черными клириками. Как правило, попавшие в поле внимания черного клириктората высшие уже не имели шансов вернуться к своей привычной жизни. За ними приходили черные клирики, уводили в церкви и подвергали процедуре раскаяния в исповедальнях. Об их дальнейшей судьбе ничего известно не было – в среде высших не принято было говорить об отступниках. Был человек, жил рядом, служил, верил (казалось бы, истово верил), но в один миг выяснялось, что он вероотступник. Вероотступник не по делам, а по мыслям его. Таких вероотступников забирали, и вся их прошлая жизнь словно стиралась. О них нельзя было говорить, о них нельзя было вспоминать, нельзя было обсуждать их проступки. Тем более что чаще всего до самих проступков дело не доходило, карались даже намерения. Вскоре о них просто забывали, будто и не было их на белом свете.

За всю свою жизнь Гаттак видел такое не раз, и самое ужасное, что каждый такой случай происходил с кем-нибудь из его приятелей. С теми высшими, с кем Гаттаку было интересно, с кем ему удалось сблизиться, с теми, кто мог позволить себе говорить то, что думает, а не то, что положено. Они позволяли себе думать о том, о чем хотелось думать. Они неосмотрительно задавались вопросами.

Их забирали внезапно – иногда днем, застав за тренировкой или чтением, а иногда посреди ночи. Приходили черные клирики и уводили подозреваемых в измене на допрос. Обратно задержанные никогда не возвращались. И всякий раз Гаттак боялся за свою судьбу. Боялся, потому что знал (нет, даже не знал, а скорее чувствовал), что эти вероотступники имели на него влияние. Своими идеями они будоражили душу Гаттака, заставляли его голову рождать собственные мысли. Мысли, карающиеся Бором. Мысли запретные и потому такие притягательные. Бороться с этими мыслями было все равно, что биться с самим собой. Кто знает твои слабости лучше тебя самого? Кто знает твои мысли лучше тебя самого? Как скрыть эти мысли от себя самого, если скрывать их совершенно не хочется? Хочется их обдумать, почувствовать, попробовать на вкус, словно изысканное блюдо. Посмаковать в обществе таких же, как ты сам, и потом обсудить послевкусие. Сделать выводы. Родить на их основе новые вопросы и искать на них новые ответы. Эту практически непосильную задачу Гаттак для себя решил. Вернее, ему казалось, что он решил ее. Не думать о том, о чем думать хотелось, было практически невозможно, но можно было заглушать эти мысли истовой молитвой. Тупым механическим повторением одних и тех же слов «... да пребудет мудрость Твоя и замысел Твой превыше всего!» и так далее по тексту.

Со временем Гаттак перестал сблизяться с людьми. Решение обособиться, закрыться ото всех и не выдавать своих мыслей пришло само собой. Был ли страх перед клирикторатом основным драйвером этого бессознательного решения или все же сработали социальные меры воспитания высших, Гаттак не знал. Но факт оставался фактом – к своим двадцати годам Гаттак был нелюдим и скрытен. Он научился прятать свои мысли и чувства ото всех, даже от себя самого. Он научился глушить в себе стремление к познанию окружающего мира. Научился закрываться от вопросов, мучивших его, молитвой и усердием в занятиях. Гаттак стал идеальным высшим. Не это ли послужило причиной его назначения в разведшколу?

Вчера Гаттак поделился этими мыслями со своим куратором. Куратор посоветовал обратиться к штатному капеллану, и клирик, выслушав молодого слушателя разведшколы, предложил решение – тридцать минут исповедальни.

Собственно, именно туда сейчас и направлялся Гаттак. В школе и за ее пределами было положено носить гражданскую одежду. Любой слушатель разведшколы, покидая территорию НИИ, должен был походить на рядового сотрудника. Даже сами сотрудники научно-исследовательского центра космических инноваций не догадывались, кто находится у них под самым носом. В их глазах все обитатели особняка на территории НИИ тоже были сотрудниками инсти-

тута, работниками одного из направлений исследований. В ход была запущена дезинформация о якобы засекреченной программе исследования дальнего космоса, и потому отрешенность и нелюдимость работников «особняка» подозрений ни у кого не вызывала.

На город опустилось покрывало тьмы, и холодный день сменился еще более холодным вечером. Гаттак укутался потеплее, взял свой пропуск и вышел из комнаты. Своего соседа он не видел с самого утра и был рад, что не придется выкручиваться и объяснять, куда его демоны потащили на ночь глядя. Крон, должно быть, проходил «индивидуалку» – так называли особые индивидуальные задания, подобранные для каждого курсанта отдельно. На такие задания курсантов начинали посылать практически с самого первого дня пребывания в спецшколе, Гаттак и сам уже несколько раз выполнял их и был у кураторов на хорошем счету.

Покинув КПП, парень направился в сторону парка. Он почти бегом перебежал дорогу, хотя необходимости в спешке не было. Просто Гаттак привык передвигаться стремительно и быстро – эта привычка тянулась за ним с самого внедрения. Все и всегда он и его товарищи выполняли на время. В столовую бегом, на зарядку бегом, задачи – на время, разобрать и собрать оружие – на время, вождение транспорта – на скорость и так далее. В спецшколе такую манеру передвижения забраковали, поскольку разведчик не должен был привлекать к себе внимания, а бегущий по городу человек неизбежно это внимание к себе привлекает. Зато кураторы разрешили использовать быстрый шаг как попытку изобразить очень занятого горожанина. Кроме того, такая манера передвижения была отличным способом засечь за собой слежку – мало кто из жителей Родины передвигался столь же стремительно.

Пропустив мимо себя две припозднившиеся машины, Гаттак метнулся в сторону парка, туда, где в снегу меж частых деревьев была протоптана тропинка. По ней ежедневно ходили все сотрудники НИИ, поскольку остановки общественного транспорта поблизости предусмотрено не было. На самом деле, острой необходимости идти через парк у Гаттака не было – ближайшая церковь с достаточным количеством исповедален была всего в километре от НИИ, достаточно было повернуть направо после КПП и идти вдоль дороги до ближайшего перекрестка. Но привычку запутывать возможное преследование и вычислять потенциальную слежку кураторы рекомендовали прививать себе с самого начала обучения. Вот Гаттак и прививал.

Мысленно попросив у Бора прощения за нарушение ПДД, парень нырнул в парковую тьму. Ориентиром ему служила мачта связи с красным маячком на самом верху. Огонек весело прыгал вдалеке, служа проводником в довольно густой лесополосе. Гаттак знал, что этот ретранслятор стоял по другую сторону парка, там же находилась и небольшая церквушка, которая ему почему-то очень нравилась – не то уютом своим, не то настоятелем.

В столь поздний час в лесополосе не было ни души. Звуки в голом морозном парке разлетались на многие сотни метров, звенели, отражаясь от промерзших стволов деревьев, и легко выдавали любого, кто не обладал техникой бесшумного передвижения по заснеженному лесу. Гаттак шел быстро и старался ни о чем не думать, сосредоточившись на звуках. Мозг анализировал ситуацию и окружающую обстановку в фоновом режиме. Внезапно его пронзило волнение – он даже не сразу сообразил, что именно не так. Остановился. Прислушался. Преследователь не сразу сообразил остановиться, чем и выдал себя. Хруст ветки разнесся по всей округе, после чего незнакомец по инерции сделал еще два шага и лишь тогда затаился. Для любого горожанина эти звуки ничего бы не значили, вернее, никто и не обратил бы на них внимания, поскольку у гражданских нет привычки непрерывно анализировать поступающую извне информацию. Гаттаку же эти звуки сказали о многом. Когда он заходил в лес, на дороге никого не было – ни машин, ни прохожих. В пути он находился не более сорока секунд, а значит, его преследователь вышел за ним следом из НИИ. На улице вечер, и все гражданские давно уже убыли по домам. Парень сделал вывод, что следом за ним идет (не обязательно следит) кто-то из своих. Напрягало лишь то, что шаги замерли после прокола с веткой. Человек не

просто шел за Гаттаком, он хотел остаться для него незамеченным, а значит – именно следил. Во всяком случае, пытался следить.

Пока разум Гаттака анализировал ситуацию, его тело автоматически приспособилось к рыхлости снежного наста. Перекатываясь с мыска на голень и далее на колено, равномерно распределяя вес по насту, можно было сколь угодно долго идти по нетронутой целине и не издать ни единого звука. Все хорошо в зимнем лесу, вот только следы на снегу спрятать не удастся, но это не сильно тревожило Гаттака. Пока его преследователь будет идти до места, где Гаттак свернул с тропинки, разведчик уже выйдет ему за спину. Они поменяются ролями с одной лишь разницей – Гаттак знает о слежке, а его теперь уже жертва – нет.

Углубившись достаточно далеко в чащу и скрывшись в естественном овраге, он резко изменил направление движения и ускорился. Сейчас звук его шагов локализовать не получится, а значит, у Гаттака будет шанс зайти к преследователю за спину. Так он и поступил. Свою «бесшумную» походку Гаттак вновь применил сразу же, как только выбрался из оврага. Еще через минуту он опять стоял на утопанной за день тропинке и прислушивался. Его визави, очевидно, понял, что допустил оплошность, и на этот раз передвигался бесшумно, но его усилия не принесли плодов. Натренированный слух Гаттака вычленил из сотни посторонних шумов парка инородный звук – еле уловимый скрип снега под ботинками. Преследователь Гаттака крался, стараясь разглядеть в кромешной тьме свою жертву. Ему и невдомек было, что жертва уже превратилась в охотника.

Шаг, еще шаг. Гаттак уже видел силуэт человека на тропике.

«Вопиющая некомпетентность», – подумал парень. Тень, которую он уже отчетливо видел, сейчас свернулась в небольшой комок – видимо, сидит на корточках и изучает следы на снегу как раз в том месте, где Гаттак свернул с тропинки. Что ж, самое время напасть.

Он умело воспользовался отвлекающим шумом проезжающего вдалеке грузовика и почти вплотную приблизился к человеку, изучавшему следы. Противник Гаттака понял, что объект его слежки ушел с маршрута, и теперь, очевидно, размышлял, стоит ли идти за ним в лес или дожидаться жертву тут. Но Гаттак не дал ему возможности принять решение. Бесшумной кошкой он подкрался к незнакомцу и напал на него сзади как раз в тот момент, когда тот встал во весь рост. Кстати, противник был куда меньше Гаттака ростом и уступал ему в весе.

Парень применил самый простецкий захват, одновременно ударив незнакомца под колени. Ноги его противника подкосились, и тот начал мягко оседать на снег, издавая приглушенное сипение. Миг нападения Гаттак рассчитал таким образом, чтобы напасть на выдохе соперника. Он умело перекрыл доступ кислорода в легкие, не давая сделать вдох, и, что было еще более важно, одновременно с этим блокировал магистральные артерии, питающие головной мозг. Для этого ему понадобилось применить «руку мертвеца» – так перекрывались сразу две артерии на шее. Не лучший вариант для зимнего сражения, Гаттаку могла помешать одежда противника, но тот, к счастью, был одет легко. На всю атаку ушло не более секунды. Будущий разведчик навалился на соперника всей массой, и они оба рухнули в рыхлый снег. Незнакомец попытался сопротивляться, но чем активнее он использовал мускулатуру, тем больше тратил кислород, которого и так было в обрез. Возня в снегу продолжалась еще с минуту, после чего Гаттак начал ощущать, как слабеет сопротивление его противника. Еще десять секунд, и «рука мертвеца» сделала свое дело – тело соперника окончательно обмякло. Руки его, тщетно силившиеся ослабить крепкий захват Гаттака, повисли плетьюми, а сам он перестал подавать признаки жизни и покорно уткнулся лицом в снег. Гаттак выждал еще десять секунд и только после этого рискнул убрать захват с шеи. Отпихнув от себя противника, он сел на колени рядом с неподвижным телом.

Первым делом Гаттак проверил у преследователя пульс. В захвате «рука мертвеца» были варианты, когда противнику продавливались хрящи трахеи – скажем, если противник был гораздо крупнее и точно оказал бы активное сопротивление. После таких повреждений шансов

выжить оставалось немного, по сути – лишь прямая трахеостома. В процессе борьбы Гаттак понял, что имеет дело со слабым противником, а потому идти на крайние меры не рискнул. Убедившись, что его оппонент жив и находится в глубоком обмороке, парень перевернул его лицом вверх, достал небольшой фонарик из внутреннего кармана куртки и, лишь удостоверившись, что в близости никого нет, включил свет.

Берцы военного образца, ватники из грубой непромокаемой ткани, легкая облегающая тело куртка. Гаттак зафиксировал свет на груди. Женская (в этом у Гаттака сомнений не было) грудь мерно вздымалась. Девушка дышала самостоятельно, и это вселяло надежду, что в скором времени юная шпионка придет в себя. Еще доставая фонарик, Гаттак понял, кто именно решил за ним последить. Быстрое изучение измазанного слюной лица лишь подтвердило догадку: это была Корра, его сокурсница. Но какого демона она поперлась за ним в ночь? С чего увязалась за ним следить? И самое главное, что теперь делать с этой глупой девчонкой? На таком морозе даже десять минут в снегу без движения могли стать фатальными.

По сути, у Гаттака не оставалось иного выбора, кроме как начать приводить горе-разведчицу в чувство. Он зафиксировал ее голову между ног и с силой надавил ей костяшкой пальца в носогубный треугольник. Болевые рефлексы никто не отменял, и девушка уже через секунду начала вяло размахивать руками, пытаясь избавиться от назойливой боли, разливающейся по обмороженному лицу. Еще через мгновение она сделала судорожный вдох и открыла глаза.

– Лежи, не дергайся, – прошипел Гаттак. – Если встанешь слишком резко, вновь можешь потерять сознание.

Девушка, похоже, быстро сориентировалась и замерла. Ее затуманенный взгляд уже через пять секунд стал осмысленным и зафиксировался на ярком луче фонаря Гаттака.

– Зачем ты шла за мной?

– Задание, – выдавила Корра.

– Какое еще задание? – удивился Гаттак, посчитав, что девушка еще толком не пришла в себя и несет околесицу.

– Ты – мое задание, – спокойно повторила Корра, – я утром получила «индивидуалку».

– В таком случае ты провалила свое задание, – рыкнул Гаттак, поднимаясь на ноги и отводя луч света в сторону.

Девушка ничего не ответила. Она бессильно распластала руки на снегу, даже не пытаясь подняться. Похоже, ее мозг только сейчас понял, что испытывает острую гипоксию. Она запоздало начала дышать, часто хватая мокрым ртом холодный ночной воздух, ее лоб вмиг покрылся испариной, синие губы начали подрагивать от холода.

– Возвращайся на базу, Корра. Останешься лежать тут – замерзнешь.

С этими словами Гаттак выключил фонарик, без какого-либо зазрения совести развернулся в сторону красного маяка и зашагал прочь от места стычки. В его голове вертелась мысль о том, что программа обучения в разведшколе, по всей видимости, включала не только основы разведки, но и элементы контрразведки. Мало быть незаметным и обладать техникой слежки, нужно было осваивать и методы ухода от нее. И применять их предстояло не только против врагов Родины, но и против своих же сослуживцев. Во всяком случае, сейчас, на этапе подготовки.

Гаттак довольно быстро преодолел лесополосу и вышел на хорошо освещенную, но пустую улицу. Бегло оценив ситуацию и убедившись, что больше никаких сюрпризов не последует, он направился в сторону храма.

Пошел снег, крупные хлопья уже успели припорошить плечи Гаттака, когда он вошел через скрипучую калитку на территорию храма. Двое черных клириков, стоявших на посту возле ворот, приняли его поклон-приветствие и пропустили на территорию. Двери в сам храм были уже заперты, а потому Гаттак помолился перед образом Бора, висящим прямо над вхо-

дом в исповедальню. Прикрыв глаза руками, он с минуту читал основную молитву, а когда закончил, услышал за спиной голос:

– Ты сегодня поздно вато, Гаттак.

Разведчик узнал говорившего. Развернувшись, он увидел настоятеля храма.

– Благословите на покаяние, служитель Леонид.

Настоятель храма на Сорокалетней улице, крепкий мужчина средних лет, тепло улыбнулся Гаттаку и подошел ближе. Тот склонил голову, к его глазам прикоснулись ледяные пальцы служителя – должно быть, он долго трудился на воздухе и вышел к припозднившемуся прихожанину, услышав скрип калитки.

– Что привело тебя в храм на исповедь, сын Бора?

Служитель не стал удерживать Гаттака на улице и сам открыл дверь в исповедальню, приглашая молодого человека войти.

– Мне велено принять тридцатиминутное покаяние, служитель, – ответил Гаттак, проходя в жарко натопленное помещение.

– Ты опять натворил что-то? – улыбнулся служитель, запирая за собой дверь и отряхивая с себя крупные хлопья снега.

– Надеюсь, что нет, – улыбнулся Гаттак. – Мне просто необходима молитва и покаяние. Я задал один вопрос нашему капеллану, и тот велел мне...

– Покаяние не приносится по велению людей, – мягко поправил служитель Леонид Гаттака, – оно приносится нашему Богу по велению сердца. Не этому ли учит нас господь Бор?

– Да, служитель.

– Что именно тебя интересовало?

Гаттак поведал служителю свои мысли насчет избранности, и тот, слушая, закивал головой:

– Как же, знаем, знаем этот грех, сын Боров.

На лице Гаттака застыл немой вопрос. Он даже замер, не до конца сняв с себя куртку.

– Ну как же? – пояснил служитель Леонид. – Ты же подверг себя греху гордыни. Один лишь Бор знает твой путь, и не тебе судить о том, избран ты или нет. Кто, кроме Бора, ведает судьбами детей своих?

– Никто, служитель.

– А стало быть, ни одному смертному негоже делать выводы о своей избранности. Тебя избрал Бор не потому, что ты лучше или хуже других. Он избрал тебя, потому что лучше тебя самого ведает твою судьбу. Только Ему одному известна та грань, за которую тебя не следует пускать, и та ноша, тяжелее которой тебе не следует нести. Именно в том ты и должен покаяться: что возгордился, посчитав себя избранным. Не ты избранный, но тебя избрали. Просто прими это служение и никогда не кичись своим положением.

– Да, служитель.

– А теперь выбери кабинку и посвети себя исповеди, сын Боров.

Гаттак еще раз поклонился служителю и прикрыл глаза ладонями в знак истинности и мудрости слов, которыми Бор наградил своего слугу. Затем он вошел в первую же кабинку (благо в это время в исповедальне было пусто), и запер за собой дверь.

Кабинка была типовой – два на два метра без каких-либо удобств. Приглушенный свет, разливающийся от тусклой лампочки под потолком, обитые звукопоглощающим материалом серые стены, такой же серый ковер на полу. Помещение было чистым и олицетворяло собой тишину и тайну исповеди. Все, что говорилось в этих стенах, должно было оставаться между верующим и его Богом. В кабинке было настолько тихо, что Гаттак начал слышать шум крови, бегущей по его артериям. Мерный стук сердца разносился по всему небольшому пространству, словно отмеряя время покаяния.

С минуту Гаттак просто созерцал и слушал тишину, погружаясь в нее всем своим существом. Затем, посчитав, что готов, он пал на колени и принялся вычитывать покаянные молитвы, заученные наизусть. С каждой новой молитвой он ощущал прилив сил и энергии, словно разверзлись небеса и благостное нечто начало изливаться прямо в душу Гаттака, наполняя его Божией благодатью.

Завершив все приготовления к покаянию, Гаттак вскинул руки к небу. Сейчас ему казалось, что нет никаких стен и потолка, есть лишь он и бесконечное пространство вселенной, где обитает сам Бор.

– Я виноват перед Тобой! Я каюсь в своих слабостях. Я готов принять Твою мудрость и Твою волю. Я возгордился. Я возжелал быть лучше иных. Я посчитал себя избранным тобой не по силам моим, но по качествам моим. Я посчитал себя сильным и возомнил, будто сам себя таким сделал. Каюсь перед Тобою, великий Бор, создатель всего сущего. Каюсь и понимаю, что ничтожен и слаб. Понимаю, что без Тебя я ничто и что кану я в ничто без длани Твоей. Прости меня за прегрешения мои.

Гаттак повторил эти слова еще дважды и к концу третьего покаяния почувствовал, как по его лицу градом покатались слезы. Слезы очищали. Слезы помогали понять всю слабость человеческой натуры, помогали осознать ничтожность собственного Я в сравнении с величием того, кто сотворил вселенную и всякую жизнь в ней.

Гаттак каялся истово, самоотверженно. Он верил в то, что говорил. В этой кабинке исповедальни он был с Бором один на один. Молчание Бора исцеляло. Молчание Бора помогало принять прощение. Более всего на свете Гаттак боялся во время исповеди покаяться неискренне, проявить слабость и позволить своим мыслям улететь в те далекие дали, из которых уже нет пути обратно. Но еще страшнее было не молчание Бора, страшнее всего было однажды услышать глас Бора. Услышать его отповедь и приговор. Говорят, именно это слышат перед смертью те, за кем приходят черные клирики. Приговор, оглашенный самим Бором. И в этот момент Гаттак услышал в своей голове громогласный глас Божий.

– Встань с колен, Гаттак, сын мой! Встань и узри свою судьбу!

У Гаттака внизу живота что-то оборвалось – он почувствовал страшную слабость в ногах, словно те налились расплавленным свинцом и более не подчинялись его воле. «Вот и все», – пронеслось в голове приговоренного к смерти. Как ни пытался Гаттак заглушить молитвами свои греховные мысли, Бор их увидел.

– Встань! – повторил Бор, и парень вопреки своей воле встал.

Вернее, это не он встал – его подняли. Он уже не владел своим телом, не чувствовал ни ног, ни тверди под собой. Он пылал изнутри в священном трепете перед Бором, создателем всего сущего. Он понял, насколько низменными были все его порывы и богохульные мысли. И Гаттак поверил в свой грех. Он хотел было во всем сознаться, выкрикнуть все, о чем думал часами там, в Пустоши, будучи еще кандидатом Гаттаком, но голос Бора опередил рвущуюся из груди Гаттака исповедь.

– Будет тебе, сын мой Гаттак, испытание суровое. По окончании разведшколы ты получишь от начальников своих пакет с заданием. Тебе нужно будет внедриться в стан врага и стать для них своим – только так ты исполнишь предназначенное. Найди для меня человека, который приведет демонов на порог мира сего. Найди и уничтожь! Любой ценой. Я избрал тебя, Гаттак, не по заслугам твоим, но по вере твоей и вере своей. Я верю в тебя столь же истово, сколь сильна твоя вера в меня.

И в одно мгновение все прекратилось. Глас Божий смолк, чувство присутствия Бора тоже испарилось. Гаттака словно отпустила невидимая исполинская рука. Ноги его подкосились, и парень рухнул на пол, благо стены и пол были мягкими, иначе Гаттак просто убился бы. Ему потребовалось не менее десяти минут для осознания того, что произошло, и для того

чтобы прийти в себя. Дрожащей рукой он отпер дверь и вывалился из кабинки прямо под ноги изумленному служителю Леониду.

– Гаттак! Мальчик мой, что произошло? Гаттак? Гаттак?

Голос служителя удалялся. Гаттак слышал его все хуже и хуже, и, наконец, мир вокруг него потускнел и скукожился до одной микроскопической точки. Этой точкой был он сам, Гаттак, он парил в невесомости посреди бесконечной пустоты. Он ничего не мог поделать с этой пустотой. В этот миг парень подумал о том, что вот так, должно быть, парил в бесконечной пустоте и сам Бор перед тем, как сотворить вселенную. Какой же чудовищной силой обладал Великий Бор, если смог из этой пустоты сотворить все сущее? Гаттак же ничего сотворить не мог, даже крохотного пятнышка света не удавалось выжать из этой пустоты. А Бор создал и свет, и тьму, и твердь земную, и пылающие звезды. Миллиарды пылающих звезд. Бесконечное число миров. Бор населил все эти миры несчетным числом своих детей. Бор – всемогущ. Гаттак – ничтожен. Бор – все. Гаттак – ничто. Ничто без своего Бога.

На этом все мысли Гаттака иссякли, и он провалился в бесконечную тьму.

Глава 6. Хочешь мира – готовься к войне

– Только одного не пойму, капитан, – сказал Ким Сергеев, в сотый раз просматривая видео с зондов, посланных на разведку к спутникам Юпитера. – Вы же говорили, что книга, которую вы написали для дочери, уникальна и выпущена в единственном экземпляре.

– Так и есть, – согласился Веровой. – По сути, это единственная книга-ключ, которой могла безопасно воспользоваться Мария. Все остальные книги на планете, вероятно, были оцифрованы и могли храниться в памяти Боровского.

– Это как раз понятно. Непонятно, как ваша дочь смогла написать такое послание, не имея при себе эту книгу.

Веровой покосился на худенький томик, лежащий на столе в его каюте. Вдохнул и ответил:

– Все просто, старпом. Она знала эту книжку наизусть.

Старпом счел за благо промолчать. Трагедия жизни капитана Верового не отпускала своих героев даже после смерти. Несмотря на это, Ким почувствовал в капитане «Магеллана» воодушевление, но в этом как раз не было ничего удивительного. Не каждый день узнаешь, что у тебя на Земле, возможно, есть внучка. Что ты в этой вселенной все-таки не одинок.

Капитан Веровой уже обсудил шифровку с остальными членами экипажа и решил взять паузу до третьего брифинга. Нужно было осмыслить ситуацию и оценить перспективы с разных сторон. Чем, собственно, экипаж и занимался в данный момент.

Ким же решил поговорить с капитаном раньше брифинга, запланированного на семь вечера по корабельному времени. Отчасти это решение было принято ради самого капитана. Ким чувствовал, что Веровому необходима поддержка. Да, размышлял про себя старпом, к счастью, даже такие люди, как Веровой, нуждаются в простом человеческом участии. Почему к счастью? Да потому, что иначе человек перестает быть человеком. Каждый нуждается в обществе. Человеку нужен человек – личность, индивидуальность. Нужен как цель общения, объект влияния, воздействия, реакции. Человек нуждается в другом человеке, поскольку видит в нем отражение себя самого. В хороших людях мы видим свои лучшие черты и качества или пытаемся взять чужие достоинства за основу своего собственного я. Таким людям мы пытаемся подражать, копировать их поступки, принимаем их мировоззрение. В плохих же людях мы видим те черты себя, которые следует избегать, искоренять, бояться. Но нужны нам и те, и другие. Оба типа людей для человека служат своеобразным нравственным ориентиром.

– Капитан, я хотел обсудить исправленную версию послания вашей дочери. Все ли верно я перевел?

– Да, – согласился Веровой, – лучше будет записать и озвучить итоговый вариант.

Ким Сергеев постарался с выражением зачитать обработанный текст послания:

«Отец, прости меня за все! Нам удалось выжить (вероятно, речь идет о ней и части экипажа «Ермака»). Не верь ложным богам. Они предали всю землю, и мы (потерпели?) поражение в войне с ними. Нам удалось спрятаться на долгие годы. Выживаем с друзьями. Организовали сопротивление и (вероятно) большую сеть (этого сопротивления) на планете. Я прожила долгую жизнь. Воспитала дочь. Моему другу (удалось) просчитать все решения богов на будущее. Самое главное, получилось спрятать на Земле лидера будущей войны».

– Тут дальше непонятно: «Помоги вернуть планету» или «этот лидер поможет вернуть планету». Далее идет эээ... вот: «Нельзя убивать людей» – вероятно, имеется в виду все население. «Они рабы ложных богов. Люблю тебя. Прости меня за все».

– Да, Ким, – похвалил капитан старпома, – ты достаточно точно интерпретировал послание. Я так его и понял, когда дешифровал.

– Получается, капитан, на планете не все так гладко, как это описывает Боровский. Есть люди, большая часть населения, которую не устраивает власть Боровского.

– А тебя устроила бы такая жизнь?

– Что вы имеете в виду?

– Боровский мертв. От его имени действует программа. Искусственный интеллект, если хочешь. Да, самый продвинутый на планете. Да, способный организовать огромную массу людей и развивать общество взрывными темпами. Но лично ты, человек Ким Сергеев, мог бы принять такого правителя? Действовать по его указке, жить по законам, написанным машиной?

Ким задумался.

– Капитан, если честно, это очень серьезный вопрос. Я не готов дать ответ сиюминутно.

– Именно поэтому я и выбрал тебя первым помощником.

Ким не ожидал такого ответа. Он стыдился своей нерешительности. Но вопрос, заданный Веровым, действительно не имел прямого и однозначного решения.

Капитан попытался озвучить то, что заставило старпома задуматься:

– Слепое отрицание общества, которым правит робот, скорее всего, чисто человеческая реакция. Она основана на гордыни человека. Человек действительно считает, да и всегда считал себя венцом творения природы – высшим существом. Существом, наделенным свободой мысли, свободой слова и свободой волеизъявления. Мы с легкостью подчиняемся другим людям или группе людей в случае стадного инстинкта, но принять главенство искусственного интеллекта, пусть и самого совершенного на планете, смог бы не каждый человек. Думаю, и не сможет никогда. Человек скорее уничтожит общество вокруг, сотрет в порошок все очевидные преимущества такой формы правления, будет сопротивляться и низвергнет себя до первобытнообщинного строя, нежели смирится с тем, что нечто искусственное, по сути, им же и созданное будет править миром.

– Но, если верить Боровскому, ему каким-то образом удалось захватить бразды правления. И общество при нем процветает, – возразил Ким.

– Во-первых, не все общество приняло эту идею, – продолжил вслух размышлять капитан. От возбуждения он встал и с заложенными за спину руками стал ходить по каюте. – Из письма дочери мы знаем, что на планете все еще идет гражданская война. Мария, скорее всего, погибла много лет назад, но ее послание, записанное заранее, кто-то отправил.

– Видимо, тот, кого она назвала лидером будущей войны.

– Я тоже так думаю.

– Но это не объясняет, почему одна часть общества приняла такую форму правления, а другая нет, – Киму передалось возбуждение капитана. Казалось, они сейчас думали наперегонки, и Веровой выиграл в этом маленьком состязании.

– В послании Марии, однако, есть ответ и на этот вопрос.

– Не верь ложным богам, – догадался Ким, и капитан с ним согласился.

– Да. Думаю, та часть людей, которая поддерживает Боровского, считает его богом. Существом несоизмеримо более умным и всеведущим. Существом, способным дать кров, пищу, технологии, порядок, четкие правила мироустройства. Они живут по его правилам, возможно, у них есть и заповеди, соблюдение которых ведет их общество к прогрессу и процветанию. Это ли не доказательство для них его, Боровского, божественной природы? Им невдомек, что Боровский – программа. Что он создал на основе своих вычислительных возможностей алгоритм, по которому и развивает подконтрольное ему общество. Он создал, по сути, игру-страгию, только юниты в этой игре – реальные, живые люди. И перед остальными цивилизациями в этой игре Боровский пользуется неоспоримым преимуществом – он уже знает все, что нужно для бурного развития его цивилизации.

– Но как же с теми, кто не принял правила игры? Кто входит в сопротивление?

– А в сопротивление входят как раз те, кто знает правду. И правду эту сквозь годы, сквозь десятилетия пронесла моя дочь. Она и те выжившие с «Ермака».

– Но почему тогда Боровский не уничтожил сопротивление? Если он всемогущ (а иначе их технологический скачок не объяснить), ему не составило бы большого труда просто вычистить общество. Стерилизовать его и тем самым обезопасить себя самого от возможных бунтов и революций.

– Любому обществу нужна цель. Любому живому существу нужна цель. Думаю, он не сделал то, о чем ты говоришь, лишь по одной причине – ему нужен внешний враг. Угроза, которая будет висеть над его благополучным обществом, как Дамоклов меч. Так он мобилизует своих людей, так он их сплотит, – Веровой поглядел на часы. – Однако нам пора на третье заседание.

Капитан и старпом застали экипаж в задумчивом состоянии. Было очевидно, что каждый из них проделал огромную работу и теперь пребывал в легком шоке от умозаключений, к которым пришел.

Верховой поделился со всеми выводами, которые сделал со своим помощником, и на мостике вновь воцарилась тишина.

Первым молчание нарушил сам капитан:

– Господа, я полагаю, пришло время наметить нашу стратегию.

Руку поднял научный руководитель полета. Всегда спокойный и флегматичный, Зольский выглядел сейчас несколько сконфуженным.

– Правильно ли я понял ситуацию, капитан? Мы сейчас должны решить не то, какое место займет «Магеллан» в обществе Земли, а планируем ли мы составить конкуренцию текущей власти на Земле?

– Я бы поставил вопрос более жестко, Сергей Аркадьевич, – вмешался начальник ОНР. – Нам нужно решить, будем ли мы подчиняться текущей власти на Земле? По сути, смиримся ли мы с главенством Боровского. Не человека Боровского, а программы!

– Полагаю, господа, – взял слово Веровой, – что среди нас нет людей, всерьез рассматривающих вариант полной и безоговорочной капитуляции перед искусственным интеллектом.

– Капитуляции? – удивился Поручнев. Инженер систем безопасности попытался уточнить у капитана. – Вы сказали «капитуляция», стало быть, подразумеваете войну с Землей?

Веровой кивнул.

– Есть у меня опасение, что любой наш шаг, кроме полного и безоговорочного подчинения воле Боровского, эта программа воспримет как акт агрессии. Не забывайте, господа, что это машина. Система алгоритмов. Умная система, обладающая безграничной властью и огромными ресурсами. Ресурсами целой планеты, фактически. И выпускать власть из своих рук эта программа не намерена.

– Откуда такая уверенность? – спросил Зольский.

Ему ответил начальник ОНР Орлов:

– Вспомните его послание. Он назвался правителем Родины – видимо, так он назвал свою страну. А нас он назвал лишь «подспорьем» для своей цивилизации. И что-то мне подсказывает, что это «подспорье» он попытается ликвидировать при первом же удобном случае.

– Но, господа, это же немыслимо! – возмутился научный руководитель Зольский. – У него нет возможности тягаться с «Магелланом»! Ведь так?

Мужчина заметил, как переглянулись руководитель ОНР и инженер систем безопасности корабля. Их невербальный диалог решился озвучить Вадим Поручнев.

– Пока – нет.

– Что вы имеете в виду? – не понял реплики Зольский. – Мы находимся на самом совершенном корабле за всю историю человечества. На борту «Магеллана» собран весь цвет нашей

цивилизации: врачи, ученые, инженеры, социологи, психологи, терраформирователи. Я молчу уже о семи миллиардах эмбрионов.

– Вы все правильно говорите, господин Зольский, – ответил Поручнев. – Вы не учли лишь фактор времени.

– Фактор времени? О чем вы?

– В каком году был запущен первый спутник Земли?

Вопрос безопасника несколько обескуражил научного руководителя Зольского.

– В каком смысле? Эмм... В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, если мне не изменяет память. Но какое отношение...

– Вам не изменяет память, – перебил Зольского Поручнев. – А теперь потрудитесь вспомнить, кода человек высадился на Луне?

– В шестьдесят девятом.

– Вот именно. Прошло всего двенадцать лет между первым выходом в космос и первым космическим путешествием, господин Зольский. И учтите, что все эти достижения были в двадцатом веке. Человечество сделало это за столь короткий срок, не имея на руках ни технологий, ни сверхмощных компьютеров. Мы действовали на ощупь, и каждый шаг давался с огромным трудом, тем не менее для такого скачка в освоении космоса потребовалось тогда всего двенадцать лет.

Повисла тишина. Все уже поняли, куда клонит инженер Поручнев, но он все же озвучил свою мысль до конца.

– Лететь нам до Земли еще пять лет, плюс время на торможение и занятие геостационарной орбиты. Как вы думаете, какой скачок в технологиях может произойти на Земле Боровского за это время, если он обладает всеми знаниями, которыми обладаем мы? При этом не забывайте, что в космос он уже вышел.

Зольский невольно открыл рот:

– Вы хотите сказать...

– Я ничего не хочу сказать, господин Зольский, я лишь намекаю, что к моменту нашего прибытия мы столкнемся с технологически развитой расой землян. И я бы не поручился за то, что разница между нашим оснащением и возможностями Боровского будет такой уж колоссальной. Да, у нас на руках неоспоримый козырь – «Магеллан». В техническом плане – это шедевр, верх инженерной мысли. На борту есть вооружение и технологии, способные стереть с лица Земли все живое. Да что там живое – мы можем уничтожить даже Солнце. И Боровский знает это. Более того, Боровскому известны и наши слабые точки.

– К примеру?

– К примеру, у нас крайне мало истребителей и нет возможности запустить их производство. Что будет, скажем, если Боровский решит создать москитный флот из истребителей? Сотни пилотируемых и беспилотных дронов, способных к активному маневрированию и несущих на борту ракеты. Против такой угрозы у нас нет защиты. Наши энергощиты приспособлены к отражению метеоритного дождя, могут выдержать удар астероида, но они не предназначены для ведения войн. «Магеллан» – крейсер мощный, но создавался он для мирных целей. Не для войны.

– И что вы предлагаете? – понуро опустив голову, спросил Зольский.

– Я ничего не предлагаю, – ответил Поручнев. – Я лишь высказал вслух то, о чем господин Орлов, да и сам капитан Веровой уже подумали.

Эта небольшая пикировка между научным руководителем полета и инженером систем безопасности поставила перед экипажем вопрос о том, к контакту какого рода следует готовиться «Магеллану» по прибытии на Землю.

Выслушав всех по очереди, капитан Веровой встал со своего места и резюмировал:

– Господа, – сказал он, выдержав паузу, – как человек, отвечающий за вашу безопасность и успех всей миссии, я должен принять решение. Решение, в первую очередь основанное на том, что нашей приоритетной задачей является поиск дома для нашей собственной цивилизации. В нашем распоряжении пять лет полета. Попрошу каждого из вас потратить это время с пользой и предоставить мне все возможные варианты решения проблемы. Исходим из следующих вводных: власть на Земле принадлежит бездушной машине; плясать под дудку Боровского, думаю, ни у кого желания нет; нет никаких оснований думать, что Боровский будет воспринимать нас как угрозу своему существованию.

– Полагаю, – поднял руку старпом, – что такие основания все же есть.

Поймав на себе взгляды остальных членов брифинга, Сергеев пояснил свою мысль:

– Господа, давайте вспомним и еще раз проанализируем материалы, которые передавал нам Мечников с «Ермака». Я говорю о тех выводах начальника медицинской службы, которые он сделал в отношении Леонида Боровского. Если принимать его версию произошедшего за истину, мы можем с уверенностью сказать, что Боровский (я имею в виду человека Леонида Боровского) был личностью неординарной. Он был человеком острого ума, человеком прагматичным и расчетливым. Все его действия укладывались в рамки его собственной логики, в рамки его мировоззрения, если хотите. Давайте вспомним основной мотив геолога, побудивший его на столь радикальные действия.

– Боровский был ярким антиглобалистом, – сказал руководитель ОНР Орлов.

– Точно так! – кивнул ему Ким Сергеев. – Леонид был идейным вдохновителем и тайным руководителем антиглобалистов на нашей Земле. Он был против объединения людей в одну цивилизацию. Он был против их равенства, против единой системы правления. Боровский – консерватор, но в то же время он и трансгуманист до мозга костей. Он выступал за чистоту всех рас на планете и резко негативно высказывался о попытках земного правительства стереть границы между национальностями и расами. Он упорно не замечал тех положительных эффектов, которые были достигнуты нами благодаря этой политике. Войн стало меньше, расовой ненависти и дискриминации тоже. Мы упорно двигались к тотальному миру на всей планете. Да, ценой уничтожения национальных меньшинств. Да и не уничтожения, если честно, скорее, меньшинства были ассимилированы, поглощены более многочисленными расами, которые, в свою очередь, тоже стремительно перемешивались между собой.

– К чему ты клонишь? – перебил старпома капитан Веровой.

– Я к тому, что в нашей будущей стратегии нужно учитывать эту особенность Боровского-человека. Вероятно, Боровский-машина перенял эту мировоззренческую парадигму своего создателя. Этот бог, каким его видят земляне, наверняка сам насаждает им расовую борьбу и намеренно внедряет в свое общество противоречия. Он ведь хочет разнообразия, а раз так, то на планете, вероятно, есть определенное количество групп населения, имеющих существенные различия между собой. Я предлагаю обдумать мою гипотезу и попытаться на этих противоречиях сыграть.

Веровой кивнул старпому и встал из-за стола.

– Я не исключаю варианта мирного разрешения ситуации, но позвольте вам напомнить одну простую истину, благодаря которой мы выигрывали все наши войны, – сказал он. Все подняли головы на капитана, и тот закончил. – Хочешь мира – готовься к войне. И не важно, на какой почве семена этой войны взращиваются. Разойдись.

Глава 7. Задание

О своем контакте с Великим Бором Гаттак не рассказал никому. Памятуя о том, с каким подозрением отнеслись к нему сослуживцы после вмешательства Бора в итоговый экзамен, он счел за благо держать язык за зубами. В конце концов, это его личное дело. Его и Великого Бора. Догадался ли слугитель Леонид о том, что на самом деле произошло в исповедальне, Гаттак не знал. Вполне возможно, он принял внезапную слабость парня за религиозный катарсис – такое нередко бывало с прихожанами. Во всяком случае, после этого инцидента слугитель Леонид ни разу о случившемся не заговаривал.

С момента откровения прошло уже три месяца, близились итоговые экзамены. За все время обучения Гаттак так ни с кем и не сблизился. Если раньше эту потребность он просто заглушал в себе, боясь невольно выдать свои мысли или, того хуже, узнать чужие, то сейчас Гаттак не сближался ни с кем по иной причине. Он впервые в жизни испытал нечто вроде ревности. Будучи избранным самим Бором, Гаттак не мог смириться с мыслью, что кто-то еще может стать для его бога орудием в борьбе с демонами. Нет, Гаттак отнюдь не был глупцом и понимал, что в руках Великого Бора каждый высший может стать карающим мечом возмездия, орудием правосудия. Но Гаттаку дышалось легче, когда он оставался в неведении, кто именно.

Чтобы подавить в себе тревожные мысли, новоиспеченный избранник Бора с головой погрузился в учебу. Без особого труда он изучил язык низших и уже к концу второго месяца обучения приступил к полировке произношения. Для этих целей ему предоставили огромное количество видеозаписей допросов низших. Мало было понимать потенциального врага, нужно было уметь слиться с ним, раствориться в его массе, а для этого нужно было овладеть всеми диалектами Пустоши. Остальным слушателям академии языковая наука давалась с большим трудом. У Гаттака сложилось впечатление, что сам Бор помогает ему в освоении новых слов и идиом. Стоило ему прочесть список совершенно незнакомых фраз, как те намертво врезались ему в память. На следующее утро он уже мог употреблять новые слова так, словно всегда их знал. Поражала Гаттака и собственная трудоспособность. В день он запоминал до трех сотен новых слов и выражений. Мог бы и больше, но времени на язык в академии уделялось не так уж и много, большую часть обучения занимала ментальная тренировка и полевая практика.

Отдельно следует описать процесс ментальной тренировки. От слушателей разведшколы требовалось запомнить лица преступников, вероотступников и иных маргинальных личностей, представляющих угрозу безопасности Родины. Каждый день им приносили по три, а то и четыре десятка личных дел на изучение. Задачей было запомнить внешность каждого потенциального врага Родины, их отличительные черты и краткую биографию. Контроль знаний проводился на сеансах мнемотренинга, проходивших на компьютерах в закрытых комнатах. На экран монитора в течение часа выводились фотографии людей, среди которых были как преступники, так и абсолютно незнакомые люди. Задачей разведчика было выбрать из предложенных фотографий опасных субъектов, а потом дать им краткую характеристику. По этому показателю Гаттак также превосходил своих сокурсников. Память не подводила.

Запоминать лица было не так то и сложно – Гаттак выработал собственную методику, позволявшую ориентироваться среди сотен различных фотографий. Сложность была в ином. Раньше Гаттак и не подозревал, какое число людей находится «на карандаше» у слугителей Родины. Это были люди самых разных возрастов и сословий: высшие, низшие, студенты, ученые, учителя, врачи, инженеры, военные, слугители веры как желтого, так и черного порядков. Их было много, очень много. Целая армия вероотступников, несущих потенциальную или реальную угрозу Родине. Это были люди, позволившие себе крамольные мысли о Боре и о Родине. Люди, вступившие в запрещенные организации или уличенные в тесных связях с низ-

шими. Перед глазами Гаттака мелькали фотографии простых работяг, миловидные женские лица, добрые глаза престарелых академиков... Однако приписки к этим фотографиям порой заставляли его содрогаться от накатывающей злости. Неужели Родина требует слишком многого? Разве не может человек просто честно выполнять свою работу, не подвергая сомнению решения руководства, не ставя личные интересы превыше интересов общества?

Гаттак открывал дела и видел, к примеру, такие записи: «Борис Краун, 38 лет. Высший. Инженер-технолог на цементном заводе в пригороде Борграда». В графе «Инкриминируется» Гаттак прочел: «Критика службы логистики и службы сбыта завода. Попытка слежки за логистическими цепочками. Передача информации третьим лицам. Высказывался вслух о производстве продукции и нерациональном использовании резервов склада. Задержан».

Гаттак всматривался в утомленное мужское лицо, изрезанное глубокими морщинами, запоминал его и открывал следующее дело: «Марша Фарр. Высшая. 24 года. Выпускница педагогического университета. Учитель младших классов в школе для низших. Поселок Северный. Инкриминируется: Участие в подпольной организации. Грубые нарушения планов обучения. Поощрение инакомыслия среди учащихся. Открытая критика власти. Призывы к самоорганизации и самораспределению продовольствия. Вероотступничество. Находится в разработке».

Глаза сельской учительницы были полны тепла и нежности. Легкая улыбка притягивала взгляд. Нежные черты лица, чуть вздернутый носик, чистая кожа. Ангельская внешность, но демоническая сущность. Кто бы мог подумать?

Или вот еще: «Виктор Марс. 34 года. Пилот-истребитель». Закончил ту самую академию, куда должен был поступить Гаттак. Обвинялся в инакомыслии, вероотступничестве и пособничестве подпольным организациям, и это если не считать еще десятка мелких правонарушений. Также находился в разработке у черных клириков.

Чем больше дел просматривал Гаттак, тем сильнее ужасался. Общество Родины было насквозь пропитано гнилью. Десятки откровенных террористов. Сотни участников незаконных организаций, тысячи несогласных и сочувствующих им людей всевозможных классов и профессий. Среди тех, кого Родина держала под пристальным наблюдением, были и офицеры его военного училища. Даже командир Горр там был. Гаттак читал досье одно за другим и не понимал, почему все эти люди все еще на свободе. Почему Родина не спешит очищаться от этой скверны инакомыслия и произвола? Нет, Гаттак не ставил под сомнение методы работы с этими людьми. Клирики черного порядка отнюдь не сидели сложа руки. Ежедневно он видел их отчеты: сотни задержаний, вербовки, депортации, расстрелы. Чистки проходили по всей стране. Причем устранялись не только виновные, но и их семьи, и тем не менее всех этих усилий было недостаточно. Гаттак поражался тому, сколько грязи еще оставалось в казалось бы идеальном обществе Родины. Благополучное и сытое общество высших в большинстве своем и не догадывалось о деструктивных процессах, происходящих на периферии.

Но задавать вопросы Гаттак зарекся. Находясь в академии, он сделал для себя два важных вывода. Во-первых, любой посещающий его вопрос потенциально опасен для него самого. Задав его, он выкажет свои сомнения в самом мироустройстве своей Родины, а значит, усомнится и в мудрости Бора. А во-вторых, ответ на любой интересующий его вопрос рано или поздно сам находил Гаттака. Так, например, после двух месяцев упорного изучения дел преступников один из офицеров на тактическом занятии объяснил будущим разведчикам, зачем командование делает упор на изучении личных дел этих людей.

– Разведчик обязан знать врага в лицо! – говорил он, расхаживая взад-вперед перед пятью слушателями разведшколы. – Когда вас внедрят в стан противника, у вас не будет возможности порыться в архивах. Вам придется ориентироваться на месте, опираясь исключительно на память. Необходимо будет четко понимать, кто перед вами, в чем его обвиняют и на каких людей вы сможете выйти через этого человека. Конечно, можно было бы их всех переловить и избавить общество от этой скверны. Но в таком случае мы не будем контролировать ситуацию.

До поры до времени эти вероотступники нужны нам на свободе. Пока они чувствуют себя в относительной безопасности, мы можем их контролировать, можем получать от них информацию о планах врага, понимать, где и как враг нанесет свой очередной удар. Думаете, время смуты завершилось? Или вы смели надеяться, что по завершении смуты завершилось и противостояние с низшими?

На этих занятиях разведчикам постепенно открывался весь масштаб текущей в стране войны. Иначе эту борьбу назвать было нельзя – то была настоящая война. Несмотря на пропаганду и феноменальные достижения, изнутри страну пожирал огонь гражданской войны. И с каждым месяцем это противостояние лишь ужесточалось. Отступники организовывали массовые забастовки на рудниках и шахтах, саботировали посевные кампании, вели подрывную деятельность в научных центрах и лабораториях по всей стране. Нередко они совершали и террористические акты. То тут, то там подрывались нефтяные танкеры, горели скважины и нефтеперерабатывающие заводы, шли под откос целые составы с готовой продукцией и сырьем. В центральной части страны горели леса, прорывались плотины, пропадали высшие, уничтожались администрации. В больших городах массово выводились из строя вышки связи и ретрансляторы.

Конечно, в масштабах всего государства все эти акции неповиновения и диверсии были лишь каплей в море. Родина развивалась семимильными шагами. Переход от нестабильных одноразовых твердотопливных ракет с громоздкими спутниками в качестве груза к ракетам с многоразовыми разгонными блоками на жидком топливе произошел за каких-то пять лет. Не отставала и сфера информационных технологий: каждый год выходили новые процессоры, вычислительные мощности множились. Это позволило ускорить строительство первой обитаемой космической верфи и начать строительство якорной станции для первого космического лифта. Оно заняло еще три года и сейчас вышло на финишную прямую, первые испытания были запланированы на осень. С запуском космического лифта скорость освоения космоса поднимется в разы, доставка грузов на орбиту станет рутиной. Начнут строиться новые космические верфи, появятся плацдармы для новых свершений. Складывалось впечатление, что Родина куда-то спешит. Родине нужен космический флот, и на достижение этой цели ресурсов не жалели.

Все предприятия космической отрасли строго охранялись черными клириками и представляли собой особые режимные объекты. Стоило ли упоминать, что самый дорогой и технически сложный объект Родины – космический лифт – охранялся особо тщательно? Обеспечением его безопасностью занимался особый отдел СОЗ (Совета Оборона Земли).

– ... Именно поэтому вашей основной задачей при выпуске из академии будет выявление слабых мест в организации охраны лифта! – такими словами завершил последнее в жизни Гаттака тактическое занятие курирующий группу разведчиков офицер. – Вопросы?

Руку подняла Корра. Офицер кивнул, давая разрешение.

– К этому лифту нас доставят?

Гаттак чуть было не поперхнулся, услышав этот наивный вопрос. Кто ж тебе расскажет, где на самом деле располагается космический лифт Родины? Эта информация строго засекречена. Должно быть, и сами строители не в курсе того, на каком они объекте трудятся. Офицер нахмурился, но на вопрос ответил, полностью подтвердив версию Гаттака.

– Определение координат объекта и входит в понятие «Выявление слабых мест». Еще вопросы?

Глядя на то, как опростоволосилась Корра, никто больше вопросов не задавал.

– Тогда попрошу вас пройти последнюю ментальную тренировку. Обратите внимание на фотографии и личные дела новых объектов разработки. У нас есть все основания полагать, что эти люди имеют прямой доступ к руководству повстанцев.

Слово «повстанцы» впервые прозвучало в этих стенах. Гаттак понял, что тем самым Родина призналась им в том, что в стране идет реальная гражданская война. Есть две противоборствующие стороны, а это означало, что у противника есть руководители. Люди, координирующие действия террористов, люди, составляющие планы атак и намечающие цели. Верхушка, обезглавив которую, можно приблизить день окончательной победы Родины, день триумфа Бора.

– После ментальной тренировки, – завершил занятие офицер, – вам выдадут документы и персональные задания. От того, как вы справитесь с ними, будет зависеть не только ваше будущее в наших рядах. С этого момента вы станете действующими агентами Родины и отчитываться будете лишь перед Великим Бором. Вы не ограничены в средствах и методах, не ограничены в передвижениях по стране, у вас нет конкретных сроков выполнения задания. Ваша задача – сделать все возможное для обеспечения безопасности Родины. Да поможет вам Бор! Свободны.

Разведчики разошлись по своим комнаткам для изучения новых личных дел. На этот раз их было не так уж и много. Гаттака дожидалась худая стопочка из пяти папок. Все объекты были низшими, но занимали в своих городах высокие посты. Двое – руководители заводов, сталелитейного и нефтеперерабатывающего. Еще один был губернатором Шуйской области, где располагались урановые рудники. Четвертый, в отличие от первой тройки, на первый взгляд не был столь важной шишкой. Он служил оператором путепровода на железной дороге и занимался логистикой грузоперевозок на железнодорожном узле. Узел этот располагался на границе Бороградской и Шуйской областей в поселке Северном. Гаттак еще раз взглянул на имя подозреваемого – Владимир Фарр. Память тут же выдала еще одно имя, связанное с этим местом. Не там ли трудилась та самая учительница, Марша Фарр двадцати четырех лет? Возможно, они даже родственники.

Гаттак призадумался. А ведь эти имена, равно как и вина, инкриминируемая этим людям, могли навести его на район, в котором располагается космический лифт Родины. Если Гаттаку удастся внедриться в подполье, можно будет выйти и на их руководство.

Гаттак внимательно изучил личные дела первой четверки и их фотографии. Открыв пятое дело, он опешил. Папка была практически пуста. Там значилось лишь одно имя – Игорь Мечников. Ни фотографии, ни адреса, ни должности. Лишь имя и краткая пояснительная записка. Гаттак несколько раз перечитал материал.

«Игорь Мечников. Возраст – неизвестен. Социальный статус – неизвестен. Местонахождение – неизвестно. Должность – неизвестна».

Пояснительная записка к делу гласила: «По данным разведки, за этим именем скрывается лидер сопротивления низших. Этим именем подписаны все перехваченные планы сопротивления, приказы о ликвидации видных ученых и руководителей важнейших отраслей промышленности Родины. На его совести десятки крупнейших терактов и сотни диверсий. Устранение Игоря Мечникова – приоритетная задача контрразведки Родины. Устранение Игоря Мечникова – приоритетная задача СОЗ».

Гаттак перечитал пояснительную записку несколько раз. Вот оно – задание, о котором говорил Великий Бор! Именно этого демона Гаттак должен будет выследить. Его должен будет устранить. Ради этой миссии Бор и выбрал Гаттака!

Разведчик так сильно возбудился от этой мысли, что не заметил, как кисти его рук затряслись мелкой дрожью. Он осторожно положил трясущуюся папку на стол и прижал ее руками. Тремор прекратился. Гаттак мысленно сосчитал до десяти и сделал упражнение на дыхание. Затем вновь поднял руки и внимательно посмотрел на кончики пальцев: они были недвижимы. Он остался собой недоволен: слишком долго приходил в норму. Не должно разведчику быть столь эмоциональным. Эмоции лишают разум логики, мешают контролировать ситуацию, ведут к совершению необдуманных поступков. Разум разведчика должен оставаться беспри-

страстным к происходящему, только так можно построить свою работу максимально эффективно.

Успешно завершив ментальную тренировку и намертво записав на подкорку полученные от руководства данные, Гаттак посвятил остаток дня разработке плана и работе с архивом. Он понимал, что, как только разведчики покинут учебный центр, пути обратно у них не будет. Вся необходимая информация уже была вызубрена ими, вернуться к архивам не получится. Но для реализации его плана была необходима специфическая информация. Те сведения, которые интересовали Гаттака, невозможно будет раздобыть иным способом.

Гаттак работал до глубокой ночи, перелопатил огромное количество секретных документов. Лишь убедившись в том, что все данные надежно зафиксированы в памяти, он позволил себе расслабиться. Пресыщенный информацией мозг тут же выдал сигнал о необходимости отдохнуть. Зевая на ходу, Гаттак вернулся в свою комнату. Она уже была пуста – сосед, должно быть, не стал утруждать себя изучением матчасти и, бодро взяв под козырек, не медля ни секунды принялся выполнять задание. Что ж, не самый удачный ход, подумал Гаттак. Он понимал, что работа, которая ему предстоит, может растянуться на долгие месяцы, если не годы. Особой нужды в спешке нет, а другого шанса получить необходимую информацию может уже и не представиться.

Приняв душ и совершив вечернюю молитву, Гаттак собирался отойти ко сну. Завтра важный день – нужно было справиться себе документы и выбить в канцелярии липовое назначение на должность преподавателя. Гаттак уже накидал план действий на ближайший месяц, а остальное будет ясно уже на месте.

Но заснуть в ближайшее время Гаттаку было не суждено. Только его голова коснулась жесткой подушки, как в комнату постучали. Стук застал его в тот самый момент, когда разум уже балансировал на грани яви и сна, и словно бы выдернул его в текущую реальность. Стараясь скрыть раздражение (кого могла принести нелегкая?), он открыл дверь и тупо уставился на хрупкую фигурку в коридоре.

– Тебе чего? – Гаттак не удосужился пригласить Корру. Девушка стояла в коридоре и смотрела на него исподлобья.

– Я сегодня сплю у тебя в комнате, – безапелляционно заявила она. – Пусти, я войду.

– И не подумаю, – холодно ответил Гаттак и даже не шелохнулся. – Это с какой такой радости ты собралась ночевать у меня?

Девушка, не сказав ни слова, протянула ему папку. В точно такой же папке несколько часов назад Гаттак обнаружил свое задание.

– Что это?

– Мое задание.

Парень недоверчиво взял бумаги, развернул, прочел.

– Это шутка?

– Спроси у Бора! – съязвила Корра. – Я сама не в восторге. Но, как видишь, мы с тобой теперь муж и жена. Я пройду, любимый?

И девушка, оттолкнув в сторону озадаченного Гаттака, прошла в комнату.

– Тут, должно быть, какая-то ошибка, – протянул Гаттак, разворачиваясь и возвращая девушке папку с заданием. – Я завтра утрясу этот вопрос. В любом случае, там не сказано, что мы должны спать вместе. Я попрошу тебя удал...

– Во-первых, – бесцеремонно перебила его Корра, – мне велено приступить к заданию немедленно. А во-вторых, я сама не в восторге от этого задания. Что это вообще за миссия – работать в паре с курсантом Гаттаком? Легенда – муж и жена. Бред! У меня такие же права на реализацию собственных идей, как и у тебя! Почему я вообще должна играть вторым номером?

– Успокойся, – выдохнул Гаттак, понимая, что девушку начинает нести не туда. Еще пара фраз в том же духе, и она наговорит себе на срок. Нельзя сомневаться в решениях начальства.

Нельзя по одной простой причине – решения эти могли быть продиктованы волей самого Бора. Сомневаться в них означало сомневаться в самом Великом Боре, а это первый шаг на пути к вероотступничеству. – Можешь остаться здесь на ночь, займи койку Крона. А завтра мы вместе подойдем к куратору. Ты тоже не вписываешься в мои планы.

Гаттак отвернулся, чтобы запереть дверь, а когда повернулся обратно, девушка уже стояла перед ним абсолютно голая. Она с вызовом глядела на него, изучая его реакцию. Гаттак окинул Корру взглядом. Она определенно была хороша, даже по меркам высших. Ее почти идеальные формы могли вскружить не одну горячую голову, но Гаттак был готов к подобным вызовам. Естественно, их учили соблазнять и провоцировать представителей противоположного пола, Гаттак и сам мог соблазнить кого угодно. Он мастерски подмешивал к своей нелюбимой личности образ веселого, остроумного и образованного высшего. Вкупе с безупречными манерами, общей эрудированностью и потрясающим телом он был лакомым кусочком для любой женщины.

Не моргнув и глазом, Гаттак разделся догола под пристальным взглядом Корры и медленно подошел к ней вплотную. Своей кожей он ощутил тепло ее тела. Небольшая, упругая на вид грудь мерно вздымалась, не позволяя Гаттаку заподозрить в девушке возбуждение. Лишь слегка набухшие соски при каждом вдохе обжигали его тело. Несмотря на такую близость двух молодых тел, дыхание Корры не сбилось. Артерия на ее шее не стала биться чаще, зрачки не изменили диаметра. Гаттак был чуть ли не на голову выше девушки, а потому эту дуэль взглядов девушка приняла с гордо поднятой головой. С минуту они стояли недвижимо всего в сантиметре друг от друга. От Корры пахло женщиной. Уютный, теплый, пряный запах исходил, казалось, от всей ее кожи. Ее каштановые волосы доставали до поясницы и пахли яблоками.

Гаттак устоял. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Своим телом он владел столь же искусно, сколь и его соперница по дуэли, с той лишь разницей, что мужчине возбуждение скрыть гораздо труднее, чем женщине.

– А Крон не устоял, – облизнув губы, прошептала Корра.

– Индивидуалка?

– Да.

– Он и против меня не устоял.

У девушки получилось сдержать смех, рвущийся из груди, лишь на пару секунд. Не выдержав, она от души рассмеялась и наконец отошла от своего сокурсника.

– Ладно, ты победил. Поздравляю. Я давно не слышала таких шуток. Завтра, надеюсь, ты решишь нашу проблему.

– А я и не шутил, – безучастно ответил Гаттак и улегся в свою кровать.

Глава 8. Ложный служитель

– Не обсуждается! – рявкнул на Гаттака куратор Форр. – Решения СОЗ не подлежат критике. Совет подчиняется напрямую Великому Бору. Или тебе, Гаттак, это неизвестно?

Молодой разведчик стоически выдержал натиск и пояснил:

– Я не пытался поставить под сомнение решение СОЗ и уж тем более не сомневаюсь в своем боге. Я лишь хотел сказать, что уже имею четкий план действий, согласно которому присутствие постороннего лица будет только тормозить меня.

Корра, стоявшая позади него, лишь фыркнула себе под нос. Она всем своим видом показывала, что солидарна с сокурсником. К ее чести, после жесткого отпора со стороны начальства она не взяла свои слова обратно. Как и сам Гаттак, она четко обозначила свою позицию: Гаттак помешает ей в работе, ее план не менее амбициозен и подразумевает исключительно сольное исполнение.

– Что ж, – уже спокойнее произнес Форр, – на это могу сказать следующее. Вы оба должны зарубить себе на носу: Бор никогда не действует вслепую. Если Он принял решение, будьте уверены, что принял Он это решение уже с учетом всех ваших планов. Для вас, Корра, это означает следующее: план ваш никуда не годится и не принесет никаких плодов. А ваш план, – он перевел взгляд на Гаттака, – может принести результат, но не может быть реализован в одиночку, именно поэтому Корра вводится в пару к вам, а не наоборот. Вопросы есть?

Гаттак постарался расслабить напряженные желваки. Он не думал, что решение о формировании пары разведчиков было принято на столь высоком уровне. Оба разведчика покачали головами в знак того, что вопросов больше не имеют.

– Тогда рекомендую вам тридцатиминутное пребывание в исповедальне. Вам обоим, – уточнил Корр, – после чего вы, Гаттак, изложите свои соображения относительно вашего плана, а мы постараемся поспособствовать его реализации. Свободны, оба.

В храм Гаттак и Корра отправились вместе. В задании Корры было четко сказано, что отныне они должны изображать супружескую пару, и потому Гаттаку, хочешь не хочешь, пришлось брать девушку с собой. Да, может быть, со стороны командования это и имело смысл. Супружеская пара, особенно если изображать идеальную пару, при внедрении в общество врага вызовет меньше подозрений. Но Гаттака не покидала мысль о том, что СОЗ, не обладая всей информацией, совершил ошибку. Откуда им было знать, что Гаттака выбрал сам Бор? Вероятнее всего, они подозревают Гаттака в чем-то и потому приставили к нему соглядатая на время проведения миссии. Вот только в чем именно они заподозрили его? Со времен обучения Гаттака в спецшколе у него не было ни единого срыва. Только в Пустоши он мог позволить себе сомнения и крамольные мысли, наводящие на размышления о несостоятельности мира вокруг. Только там он не чувствовал постоянного контроля над собой. Сейчас же молодой разведчик действительно мог похвастать своим окрепшим духом – приступы вольномыслия удавалось подавлять, и это было не сложнее, чем контролировать эрекцию или, скажем, дыхательный рефлекс.

«Но рано или поздно тебе придется сделать вдох», – промелькнула мысль в мозгу Гаттака, и он, слегка поморщившись, вытеснил ее из головы десятиминутной молитвой.

До самого храма шли быстро и молча. Успели к окончанию утренней литургии.

– Ты сегодня не один? – улыбаясь, спросил служитель Леонид после литургии. – Не представишь мне свою спутницу?

Гаттак смутился. Он не ожидал, что играть придется с самых первых дней.

– Да, служитель, это Корра, моя... – он обернулся к девушке и продолжил, – моя жена. Лицо служителя озарила еще более светлая улыбка:

– Великий Бор назначил тебе супругу. В столь юном возрасте. Ты можешь гордиться собой, Гаттак, это верный признак благоволения тебе Господа нашего.

Гаттак изобразил вымученную улыбку и для большей убедительности взял Корру за руку. Девушке игра давалась легче – замужним женщинам в обществе мужчин полагалось изображать кротость и покорность. Она картинно опустила глаза в пол и даже слегка покраснела.

– Мы на исповедь, служитель. Ждем очереди, – поспешил обозначить цель их прихода Гаттак.

– Думаю, я могу воспользоваться своим положением и предоставить вам свою личную исповедальню, – подмигнул Гаттаку служитель Леонид. – Вы же знаете, что супруги должны исповедоваться вместе? Кстати, для вас этот опыт будет полезным.

Меньше всего Гаттак мечтал исповедоваться перед Бором в присутствии этой самоуверенной девчонки, которую ему попросту навязали. Но делать было нечего, легенду нужно поддерживать до конца, иначе грош цена его профессионализму. Гаттак сердечно поблагодарил служителя, и Леонид проводил молодых в свои покои.

Жилище служителя Леонида выглядело аскетично. Молодожены оказались в небольшой комнате, и Гаттак бегло осмотрелся. Пол был устлан простыми досками, не знавшими, судя по их виду, ни рубанка, ни шкурки, ни краски. Голые стены, обитые вагонкой, одинокое окно, задрапированное плотной тканью черного цвета. Бросилось в глаза минимальное количество мебели: грубо сбитый деревянный табурет, низкая кровать, аккуратно заправленная такой же черной тканью, что и на окне. Скрамная кухня на одну газовую конфорку примыкала к комнате и никак от нее не отгораживалась. Там Гаттак обнаружил еще один деревянный табурет, стол и раковину. В ней чашка, ложка и тарелка – посуда лежала, видимо, еще со вчерашнего дня. Уборная была в дальнем углу комнаты, а исповедальня – тесная комнатка метр на полтора – находилась непосредственно при входе.

– Скрамно, но для вас двоих будет достаточно, – прокомментировал свое жилище служитель Леонид и открыл дверь исповедальни. – Все, как обычно – встаете на колени и совершаете молитву. Муж первый, жена за ним. Совместная исповедь – крайне важное таинство в браке. Супруга дается мужчине раз и навсегда, и перед ней каяться не менее важно, нежели перед самим Бором.

Служитель заметил мимолетную улыбку на лице Корры и уточнил:

– Равно как и супруге полагается быть предельно искренней в присутствии мужа. Вы оба должны понимать, что вашу исповедь слышит сам Великий Бор. Даже если вы и утаите друг от друга свои деяния или греховные помыслы, это не скроется от Бора. И наказание за такое богохульство всегда вдвое строже.

Слова служителя мгновенно стерли с лица Корры улыбку. Гаттак понимал, что ей, как и ему самому, тоже есть что скрывать. Эта мысль порадовала Гаттака. Может, Великий Бор раскусит эту вертихвостку и покарает ее так, что ему больше не придется иметь с ней дело?

– Что ж, на этом я вас оставляю, – сказал служитель Леонид. – Меня можете не стесняться, звукоизоляция тут гораздо лучше, чем в стандартной исповедальне. После таинства исповеди буду рад побеседовать с вами за чашкой чая.

Молодые люди вошли в кабинку и заперли за собой дверь. Переглянувшись, они встали на колени и вместе произнесли слова покаянной молитвы – эту часть можно было проводить синхронно. Гаттак не мог отделаться от мыслей о Корре. Ее присутствие рядом, теплая рука, касающаяся его плеча, ровное дыхание, нежный запах ее кожи постоянно отвлекали, мешали настроиться на нужный лад. Вдруг парню стало и вовсе не по себе. Что, если Бор опять решит открыться Гаттаку? Что, если об этом узнает Корра? Следующая мысль ужалила его еще сильнее. Что, если Бор посетит не его, а Корру? Будет ли это означать, что он, Гаттак, отныне не избранный?

Немного поразмыслив, парень решил, что эти мысли навеяны ему демонами. Если ему и есть в чем каяться перед Бором, так это в гордыне и ревности к нему. И Гаттак начал каяться. Он искренне пытался отрешиться от происходящего и изложил все свои греховные мысли. Не забыл упомянуть и жгучее чувство ревности к Бору. Да, Гаттак согрешил. Да, в душе он хочет оставаться для Бора единственным орудием возмездия. Тем, кому предначертано изменить ход войны, избавить Родину от скверны еретиков, уничтожить главного из демонов. Но он поймет и примет любое решение Бора. Если на то Его воля, Гаттак будет служить Ему бок о бок с Коррой.

Завершив покаяние, парень выдохнул. На этот раз его не посетили ни видения, ни голоса. Его тайна останется при нем. Настала очередь Корры каяться в своих прегрешениях. Девушка еще раз прочла покаянную молитву и тихо промолвила покаянные слова. Гаттак внимательно слушал и в конце покаяния выругал себя за неосмотрительность. Корра оказалась куда сообразительнее, чем он. В отличие от него, она пользовалась такими выражениями, которые ни на йоту не приблизили Гаттака к пониманию сути греха, в котором она каялась. Сначала Корра поблагодарила Великого Бора за честь, которую он оказал ей, выполнив какую-то ее давнюю просьбу. Затем она воспользовалась фразой «тот грех, в коем я всегда каялась Тебе...» и сообщила Бору о том, что преуспела в его искоренении. В конце молитвы она все же приоткрыла завесу тайны над одним из своих грехов. Она сообщила, что вчера, провоцируя своего новоиспеченного мужа, поддавалась-таки соблазну и допустила мысль о греховном соитии. Она каялась в том, что не призналась в своей слабости даже самой себе, но обмануть свое тело не смогла и утром обнаружила свою слабую плоть вожделем Гаттака.

От такого откровения парень напрягся и порадовался, что сейчас они оба одеты. После он понял, что Корра могла таким образом провоцировать Гаттака. Если ее послали следить за ним, то откровенная исповедь могла быть первым шагом в его соблазнении.

Заключительная покаянная молитва заставила Гаттака на время забыть о происходящем. Завершив процедуру, они оба встали и вышли из исповедальни. То, что они увидели, заставило их опешить: вся маленькая келья служителя Леонида была наводнена черными клириками в боевых рясах. Они были вооружены и, очевидно, ждали их. Сам служитель Леонид стоял на коленях посреди комнаты и держал руки за головой. Его охраняли четверо клириков, остальные производили обыск скромного жилища, снимали отпечатки пальцев с мебели и предметов быта служителя, фотографировали обстановку, заполняли протоколы.

Гаттак десятки раз видел подобную картину: за служителем пришли. Как такое возможно? Кто-кто, а Леонид точно не мог... Гаттака прошиб холодный пот. Или все-таки мог?

– Что тут происходит? – внезапно севшим голосом спросил разведчик.

Корра, насупившись, держалась позади него. На молодых людей, похоже, никто вокруг не обращал внимания. Лишь служитель Леонид, стоявший на коленях прямо перед ними, поднял сосредоточенный взгляд на Гаттака и медленно покачал головой. Что означал этот жест? Не влезать? Не задавать вопросов? Уйти, бросить его? Но Гаттак не мог позволить себе уйти, он должен был что-то сделать.

– Кто здесь главный? – повысив голос, строго спросил он и увидел, как служитель понуро опустил голову.

От группы криминалистов, снимавших отпечатки пальцев с дверной ручки входной двери, отделился мужчина – старший клирик, судя по знакам различия на груди. Это был немолодой на первый взгляд мужчина, облаченный в черную мантию в пол. Несмотря на возраст, держался старший клирик довольно бодро. Его седые волосы, аккуратно зачесанные назад, пепельная борода и круглые очки в тонкой металлической оправе призваны были вводить окружающих в заблуждение. Мужчина не был стар, его глаза были молоды и излучали силу. Высокий гладкий лоб, надменное выражение лица, горделивая осанка, руки, сложенные в жесте смирения перед собой, и любопытный взгляд клирика обескуражили молодых людей.

Корра встала за спину Гаттака, а он сам зачем-то сделал полшага назад, словно взгляд незнакомца обладал магическим отталкивающим полем. Парень почувствовал, как маленькие колкие глазки клирика словно просканировали и его и Корру. Глубокие морщинки у переносицы выдавали в мужчине привычку много и подолгу думать.

– Генеральный клирик Борограда Фаэттон, – представился мужчина внезапно высоким голосом, совершенно не подходившим его образу. – Мы знали, что в личной исповедальне слугителя Леонида находятся прихожане, и намеренно не стали вас тревожить. Исповедь свята.

– Что здесь происходит? – довольно грубо спросил Гаттак, хотя понимал, что перед ним стоит слугитель высшего ранга. Клирик, однако, на дерзость Гаттака не обратил никакого внимания, равно как и на его вопрос. Он медленно перевел взгляд на слугителя, покорно стоявшего на коленях и, не глядя на молодых прихожан, спросил:

– В какой связи вы находитесь с этим человеком?

Корра тихонько пихнула Гаттака в спину, давая понять, что им не следует идти на открытую конфронтацию со слугителями черного клириктората. Гаттак и сам это понимал. По легенде, которой он обязан был придерживаться всегда, он всего лишь научный сотрудник в научно-исследовательском институте.

– Слугитель Леонид – мой духовный отец, – спокойно ответил разведчик.

– И ваш? – клирик резко поднял голову и посмотрел на Корру. Та покачала головой.

– Мы с Гаттаком только поженились, – тихо произнесла она. – Прежде я не видела этого человека. У нас с мужем сегодня первая совместная исповедь, и слугитель Леонид любезно предоставил нам свою личную исповедальню.

– Как давно вы знакомы? – вопрос был уже адресован Гаттаку.

– С Коррой мы познакомились полгода назад, когда...

– Я не о вашей супруге, – спокойно перебил Гаттака клирик Фаэттон, хотя все поняли, что парень ломает комедию.

– Три месяца назад.

– Как познакомились?

– Пришел на службу, просил духовного участия.

– И как вам?

– Простите, что? – не понял Гаттак.

– Участие. Духовное. Как вам оно?

– Слугитель Леонид – один из самых грамотных проповедников из всех, что я знаю.

– И много вы таких проповедников знаете? – что-то в этом «таких» Гаттаку не понравилось. В этом слове слышалось обвинение.

– Немало, я часто менял место жительства, – Гаттак и сам не понял, зачем соврал. В его жизни, по сути, было лишь трое знакомых проповедников желтого порядка, и двое из них были штатными капелланами разведшколы и части, где он служил кандидатом.

– Вы беседовали с этим человеком на отвлеченные темы?

– Что вы имеете в виду?

– Вы обсуждали небогословские темы?

– Нет.

– Вы молоды. Вам не больше двадцати на вид. И вы уже научный сотрудник?

– Мы попали в институт по распределению.

– Должно быть, вашими судьбами распоряжаются особые люди.

– Нашими судьбами распоряжается лишь Великий Бор. Все остальные люди – лишь его орудия.

Клирик задумался.

– Вы правы, молодой человек. Я наведу о вас справки, – клирик показал пальцем на их форменную одежду, висевшую в прихожей. – Вы свободны.

– В чем обвиняют служителя Леонида? – вопрос Гаттака заставил генерального клирика вновь обернуться.

– Вы же в курсе, молодой человек, мы никого не обвиняем. Мы лишь орудия в руках Великого Бора.

Вернув Гаттаку его же фразу, он отвернулся и занялся своими делами, давая понять, что беседа на этом окончена. Молодые люди посмотрели на безучастное лицо служителя Леонида – он по-прежнему стоял на коленях и глядел в пол. Гаттаку хотелось посмотреть в глаза служителю, но Корра пихнула его в бок, давая понять, что сейчас им лучше удалиться. Он нехотя снял с вешалки куртки Корры и свою, не сводя при этом глаз со служителя. Ну же, хоть один взгляд, хоть намек. Дай же мне его!

Но Леонид так и не посмотрел на Гаттака. Молодые люди вышли из кельи на свежий воздух и быстро покинули уже пустой двор церкви.

– И много у тебя таких друзей? – поинтересовалась Корра, еле поспевая за быстрым шагом Гаттака.

– Каких «таких»? – несколько раздраженно переспросил тот. Мысли его сейчас находились далеко, он думал о своем роке. Почему все, с кем он так или иначе сближается, попадают в поле зрения черных клириков? Или же это просто случайность? И может ли быть так много случайностей?

– Предателей, – уточнила Корра.

Гаттак счел за благо пропустить ее реплику мимо ушей. Это была явная ловушка. Ответь он ей, что не считает Леонида предателем, она наверняка взовет к его гражданскому долгу – черные клирики никогда не приходят просто так, их направляет длань самого Бора, сомневаться в их компетенции означает сомневаться в самом Боре. А это богохульство. Ответь он, что всех его знакомых и приятелей забирают – и уже на самого Гаттака падет тень сомнения. Лучше этой девчонке не знать о таких подробностях его жизни.

До центра космических инноваций добрались довольно быстро. Несколько раз Гаттак оборачивался, проверял, не следят ли за ними черные клирики, но, кроме случайных прохожих, никого не заметил. На всякий случай запомнил лица – скорее на автомате, нежели с какой-то конкретной целью. В здание разведшколы вошли как раз в тот момент, когда пошел премерзкий дождь.

– Через десять минут встречаемся у куратора Форра, – сказал Гаттак и зашагал к себе.

Избавившись от Корры, он ввалился в свою комнату и запер дверь. Только сейчас он позволил эмоциям выплеснуться наружу. Со стороны это выглядело так, словно человек просто долго бежал и теперь пытается отдышаться. Сотни вопросов мгновенно вгрызлись в его сознание, но все они сводились к одному: почему все, кто его окружают, становятся предателями Родины? Что с ними не так? Или, может, это с самим Гаттаком что-то не так? Он, словно магнит, притягивает тех, кто может предать Бора. Что это? Дар? Проклятье?

Резкий стук в дверь заставил Гаттака вздрогнуть. Он быстро привел растрепанные волосы в порядок и открыл: на пороге стояла Корра с двумя тяжелыми сумками в руках.

– Что это?

– Мои вещи.

– Зачем?

– Не забыл? Мы теперь женаты. Я буду жить с тобой. Дашь пройти?

Гаттак не знал, как реагировать на такой демарш. Ему нужно было личное пространство, нужно было место, где его никто не будет видеть. Никто, кроме Бора. Но противопоставить словам Корры было нечего, им действительно было предписано играть роли супругов. Он медленно уступил дорогу и бросил проходящей мимо Корре:

– Вещи можешь не разбирать. Мы сегодня уезжаем.

В кабинете куратора Форра было жарко. Он плотно задернул шторы на окнах и пригласил Гаттак и Корру присаживаться. Те сели за стол.

– Я знаю, что произошло в церкви, – сказал Форр. – Вам есть что доложить по этому поводу?

– Нет, куратор, – ответил Гаттак и сразу задал вопрос. – Куратор, в чем обвиняют служителя Леонида?

Форр ответил не сразу. Он медленно сел на свое место, небрежно перебрал какие-то бумаги и, отложив наконец их в сторону, ответил:

– Служитель Леонид был назначен в эту церквушку четыре месяца назад, незадолго до вашего прибытия.

Гаттак сразу понял, к чему тот клонит.

– Хотите сказать, он был внедрен специально?

– Делать выводы в отношении предателей Родины – не моя прерогатива, – ответил Форр. – Мы заметили, что ты, Гаттак, посещаешь не предписанную уставом школы церковь, а именно ту, где недавно сменился служитель.

Гаттак и Корра внимательно следили за нитью повествования.

– В самом выборе нет ничего предосудительного, как и в том, о чем именно вы беседовали со служителем Леонидом. Но мы копнули глубже... – ага, значит, это разведка навела черный клирикотрат на Леонида, подумал Гаттак. Интересно, зачем им это? – Оказалось, что Леонид ранее служил в другой церкви. Догадываешься, в какой, Гаттак?

Молодой разведчик догадывался, но покачал головой.

– Он служил в небольшой церкви в поселке Северном. Ты уже слышал об этом месте, не так ли?

Гаттак слышал. Это был тот самый поселок, где, по его мнению, была организована ячейка сопротивления.

– Но разве переводы между паствами – не рутинное мероприятие для желтых клириков? – вмешалась Корра. Собственно, она задала вопрос, который крутился и в голове Гаттака. Что такого подозрительного в переводе рядового священника из одной церкви в другую?

– Ротация кадров – дело обычное, – согласился Форр, – но такие решения принимаются либо самим Бором, либо Советом Высших Клириков Родины. В любом случае, перевод контролируется на высшем уровне, даже если служителя назначают в самую маленькую из всех церквей Родины.

– А в случае служителя Леонида было не так? – догадалась Корра.

– Да. Мы сделали запрос в Совет Высших Клириков, и выяснилось, что никто не знает об этом переводе. Информация о назначении Леонида в церковь на Сорокалетней улице появилась в главном компьютере Совета Высших, словно из воздуха. И была она заверена электронной подписью одного из Высших.

Ни Гаттак, ни Корра не смели даже подумать о том, что взлом серверов Совета Высших возможен. Эта информация, изложенная куратором вполне спокойным тоном, прозвучала в кабинете, как гром среди ясного неба. Даже теоретическая возможность взлома компьютеров Родины была бы катастрофой, а свершившийся факт этого вопиющего святотатства был сродни объявлению Родине войны. Но кто мог пойти на это? Неужели отсталые в техническом плане повстанцы обладали такими возможностями? Да быть такого не может!

– Вижу, вы правильно оценили степень угрозы, – прокомментировал повисшую в кабинете тишину куратор Форр. – Думаю, теперь настало время обсудить ваш план, Гаттак. Как вы намерены искать организатора и идейного вдохновителя повстанцев?

Глава 9. Фаэттон

Суть своего плана Гаттак изложил довольно быстро. Поскольку как разведчика его готовили к внедрению в стан противника, то именно этим Гаттак и планировал заняться. Чтобы найти неуловимого руководителя повстанцев, нужно внедриться к этим повстанцам, сообщил Гаттак куратору, чем не сильно того удивил: практически все выпускники разведшколы занимались тем же. Однако дальнейшие размышления Гаттака заставили куратора Форра занервничать. Курсант Гаттак сообщил ему, что необходимо втереться к повстанцам в доверие, стать их частью, понять их, изучить всю их суть изнутри – только так можно отследить всю цепочку приказов от исполнителя к заказчику. Да, Гаттак понимал, что для этого ему потребуется время. Понимал, что на этот план может уйти вся его жизнь, но иного выхода он не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.